К. Р. БЕРЕНС

БЫЛИ ГОРНОЙ КИРГИЗИИ

К. Р. БЕРЕНС

БЫЛИ ГОРНОЙ КИРГИЗИИ

(Очерки натуралиста)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КЫРГЫЗСТАН»
ФРУНЗЕ 1977

К. БЕРЕНС

БЫЛИ ГОРНОЙ КИРГИЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН» ФРУНЗЕ 1977

57 (069)
Б 48

Беренс К. Р.

Б 48 Были горной Киргизии. (Очерки натуралиста). Ф., «Кыргызстан», 1976. ©
80. с.

Константин Робертович Беренс — один из старейших натуралистов Киргизии. Он побывал в самых глубинных местах нашей республики. Острый глаз натуралиста, пытливость и любознательность позволили ему подметить много интересного, сокровенного и познавательного в природе. И он умело, ярко и доходчиво передает эти впечатления свои в литературных зарисовках.

57 (069)

Б $\frac{284-32}{М\ 451\ (17)-77}$ 96—75

2—8—4

© Издательство «Кыргызстан», 1977 г.

НАШИ ЗИМНИЕ ГОРЫ

У многих людей создалось мнение, будто бы наши горы интересны, красивы, приятны и полезны для здоровья только в летнее время, когда в них расцветают тюльпаны, маки и шиповник. Когда можно побродить по лесу, полюбоваться водопадами, подышать чистым воздухом и вдоволь отдохнуть на живописном берегу горной речки.

Нет спора, летняя пора очаровательна в чудесных по своей природе горах наших. Но ведь лето — не единственный сезон года, и ни оно одно определяет природу нашего горного края. В горной местности прекрасна и золотая пора с ее добрым ласковым солнцем, с многочисленными погожими днями, лазурной синевой неба и разнообразной гаммой осенних красок и соцветий. То манит к себе развесистая рябина с отяжелевшими от урожая ягодами, то восхищают точно горящим пламенем клены, то зовут к себе кусты барбариса, показывая бусинки своих иссиня-черных ягод, то невольно привлекают взор разнообразные горные цветы, изумительные по своей форме и расцветке. Но не только в этом состоит прелесть нашей осени, а и во всей умиротворенности природы, в ее тишине и в каком-то особом покое.

Ну, а что же с горной зимой? Чем она, холодная, скучная и безлюдная, какой она многим кажется, может быть хороша и полезна?

Для тех, кто не боится зимнего бодрящего мороза и не страшится зимних заснеженных маршрутов, зима — это благодатнейшее время для закалки здоровья. Именно в наших горах и именно в зимнюю пору можно увидеть такие чудеса и причуды чародейки зимы, которые ни в одной сказке не прочитаешь.

...Как-то неподалеку от нашего зимнего бивуака, под елью затейливая искусница зима за одну ночь воздвигла на лесной поляне огромный снежный дворец. И башни между двух скал возвела по бокам, и проемы окон обозначила, и крышу снежным серебром покрыла.

Смотришь на этот волшебный замок — и кажется, что вот сейчас засветится он весь огнями, соберутся лесные гости и откроется торжественный бал.

Заинтригованные, подходим мы ближе и убеждаемся, что гости уже побывали здесь. На свежем снегу четко видны следы лисицы. Зайчишка прошел, оставив следы своих затейливых прыжков и петель. Горностай оставил парные отпечатки лапок...

...В белых холмистых сугробах застыл хвойный лес. На ослепительной парче чистейшего снега горят, сверкают солнечные лучи. Высокие, зеленые красавицы ели осыпаны миниатюрными шестигранными звездочками-снежинками , вспыхивающими алмазными блестками. А посмотрите, сколько еще подарков надарила щедрая природа зимним елям. Тончайшим налетом льдинок покрыл мороз еловые ветки-лапники. При малейшем дуновении ветерка они издают мелодичный, хрустальный звон. Этакую особую музыку зимы. Не забыла мать-природа и о зимних гостинцах. Шоколадного цвета еловыми шишками, словно монистами, опоясала елки и пригласила кедровок, дятлов и белок попробовать их спелые, отменно вкусные и питательные семена.

В сплетениях густых лапников, засыпанных снегом, подкармливаются и другие постоянные обитатели леса — крохотные корольки и синицы. Неутомимые, они целыми днями разыскивают в трещинах древесной коры съедобных жучков и букашек. И сами похожи на расписные, заводные игрушки. Ни минуты не сидят на месте.

...Идешь по заснеженной горной тропе, глядишь на зимнюю реку и невольно удивляешься — какие причудливые ледяные мосты построил на ней всесильный мороз...

Надо только уметь все замечать, хотеть все увидеть!

Насчет того, что в зимных горах безлюдье, тоска и скука, как думают многие, и будто нет ничего интересного,— так все это зависит от того, куда горную вылазку (экскурсию) сумеют организовать в выходной день или во время зимнего отпуска. Все наши лыжные станции и места с пешеходами и маршрутами всегда полны любознательными людьми, умеющими подмечать в природе, узнавать и видеть немало нового, интересного и поучительного, а порою и фантастически необыкновенного.

ГОРНЫЕ ТРОПЫ СТАРЫХ МЕРГЕНЕЙ

Кулубай Абышев

Много звериных троп, много следов, путаясь, перекрещиваются на крутых отрогах киргизских гор...

...Каждое ущелье, каждая дорога и тропа в горах наших имеет свое название и свою судьбу. Личную свою судьбу и всю свою жизнь Кулубай Абышев крепко связал с родными ему киргизскими горами.

Более чем за полвека своей охотничьей жизни много троп исходил почтенный восьмидесятилетний аксакал, сын, внук и правнук прославленных потомственных охотников Прииссыккулья. Кулубай знает почти все горные перевалы, близкие и далекие урочища на хребтах Кунгей и Терскей-Алатоо так же хорошо, как собственный двор в родном аиле.

30 снежных барсов, почти столько же белокоготных медведей, около десятка злых и увертливых рысей, козерогов, архаров, эликов и других ценных зверей и птиц отловил старый охотник-зверолов, опытный следопыт и прекрасный стрелок.

Выдавались Абышеву и наряды на заготовку и поставку ценной пушнины. И на этом промысле добыл он сотни тянь-шаньских пушистых лисиц, тысячи сурков и барсуков, несколько десятков дорогих по своему меху каменных куниц, сотни белоснежных горностаев и немало ценных волчьих шкур.

Было время, вспоминает старик, когда он, тринадцатилетним подростком, сопровождал на охоту отца. Помнил он, как на протесты матери не брать неокрепшего мальчишку с собой в тяжелые походы, отец неизменно отвечал:

— Тропа охотника — тропа мужчины, честная и почетная. Пускай привыкает к ней сын с детства.

И еще помнит Кулубай, как на второй год его совместных походов с отцом любимый им человек и наставник — отец — метался в тифозной горячке и как плакали мать и младшая сестренка у постели отца.

— Давно, очень давно это было,— рассказывал мне старый мерген.

На всю жизнь остались в его сердце слова отца, сказанные как-то у ночного костра на охоте:

— Расти, сынок, честным и смелым джигитом и пуще всего люби родной край и наши горы, в которых ты родился. Они при любой беде спасут и прокормят тебя. И еще,— сказал отец,—всегда оберегай мать и сестренку. Запомни, если со мной что-нибудь случится, ты останешься единственным мужчиной в семье и кормильцем ее.

Помнит он, как во время болезни отца в юрте кончился последний кусок мяса, и он, тринадцатилетний паренек, посчитавший себя уже достаточно взрослым, решил сам пойти попытать охотничьего счастья.

— Мал ты еще, сынок,— плакала мать,— нет у тебя навыка, да и силы не хватит ходить с тяжелым ружьем отца. У нас есть немного проса, муки. А пока не встанет на ноги отец — помогут соседи.

— Нет, мама, я сам постараюсь добыть теке и принести мясо домой. Не беспокойся за меня.

Растроганная мать не сказала больше ни слова своему первенцу и молча уложила в охотничью сумку лепешки, соль и несколько кусочков овечьего сыра.

Кулубай не раз видел и хорошо запомнил, как отец заряжал свою «барангу» — старинное длинноствольное ружье на сошках. Не раз внимательно наблюдал, как осторожно и ловко подкрадывался он к стаду теке, и был всегда уверен в верном выстреле отца.

...На следующий день первый раз в жизни вышел он с ружьем в горы один. Едва начала светлеть утренняя заря, когда юный охотник, миновав еловый лес, начал подниматься к скалам, к тем счастливым местам, где всего лишь месяц назад отец свалил крупного рогатого теке. Этим мясом и кормилась последнее время семья. Старинная тяжелая баранга до боли давила плечо, и с каждым километром становилась тяжелее, но молодой следопыт думал только об одном: сумеет ли он выстрелить в теке так же метко, как стрелял отец.

Обеспокоенная мать целый день нетерпеливо поджидала сына. Сколько тревожных дум передумала ее седеющая голова. И когда над ущельем начали зажигаться первые звезды, в аиле громко залаяли собаки. Словно молодая, выбежала из юрты мать и сразу же своими зоркими глазами приметила, как по горной тропе шел к аилу ее Кулубай, ее сын — здоровый и невредимый. Пропустив сына в юрту, она помогла ему снять со спины тяжелую охотничью сумку. Повесив ружье, Кулубай поздоровался с матерью и сестренкой и, спросив о здоровье отца, сказал:

— Мяса я, мама, немного принес, а большую половину оставил под скалой и завалил камнями, как делал отец, когда груз был тяжелым. Нужно еще раз сходить...

Помнит он, как мать поблагодарила его и впервые назвала джигитом. Как давно это было. Уже более 40 лет, как умерли у Кулубая отец с матерью...

...Стремительно текут киргизские горные реки. Много воды унесла бурная Караколка и с той поры, когда Кулубай стал стройным, сильным и мужественным восемнадцатилетним юношей-джигитом.

В ту пору в верховьях Каракольского ущелья раскинул свою юрту на летнем пастбище джайлоо бывший сосед отца — Кулемджан Абидов. Его дочери — Джамиля и Майрам, заводилы всех детских игр в аиле, задиры и драчуньи,— превратились уже в девушек и расцвели подобно горным цветкам.

Собирался Кулубай зайти к Абидовым, поприветствовать стариков и поздороваться со своими друзьями детства — Джамилей и Марьям, но охотничьи заботы постоянно отрывали его на длительные выезды.

И вот как-то в один из тех счатливых дней Кулубай, уже промысловый охотник, возвращался на коне с тяжелым живым грузом — барсом и, подъезжая к реке, встретил незнакомую девушку с полными ведрами. Узенькая горная тропка не позволяла разминуться одновременно двум встречным. Кому-то нужно было остановиться. И девушка, поставив ведра с водой на самый край тропы и прислонившись к скале, уступила, по обычаю гор, дорогу нагруженному ношей мужчине. Но конь, шедший в поводу, заупрямился, и Кулубай неосторожно задел ногою ведро. Расплескивая воду, покатилось оно по камням вниз к реке.

Молодая незнакомка испуганно вскрикнула и в упор взглянула на виновника своей беды. И тогда Кулубай узнал в этой девушке подругу своего детства Джамилю. Юноша был так поражен ее красотой, что сердце его застучало быстро и сильно, словно сердце молодого архара, которого чуть не настиг барс...

Вскоре шестнадцатилетняя красавица Джамиля стала доброй женой и преданным другом смелого джигита. Но недолго прожил с любимой своей женой Кулубай — она умерла в молодом возрасте.

...Много видел, много испытал старый мерген в своей жизни. Мне не раз приходилось бывать на его горных охотничьих станах и всегда чувствовать доброе гостеприимство хозяина. Но самыми интересными были наши совместные походы в горные угодья, где он показывал мне то завешкованную медвежью берлогу, то оживленную сурковую колонию, барсучьи и лисьи норы, волчьи логова,

огромнейшие гнезда бородачей-ягнятников, места летних и зимних выпасов теке и архаров.

Кулубай рассказал мне, как однажды он спас напарника своего, подмятого медведем. Не хвастаясь своей личной заслугой в этом, он скромно сказал:

— Я не мог растеряться и не спасти друга. Не мог не выстрелить в упор в разъяренного зверя, когда медведь внезапно навалился на него. — И тут же добавил:

— И меня не раз выручали от смерти друзья. Однажды, подходя к рычащему и мечащемуся в капкане барсу, я подскользнулся, был гололед, и, прихваченный когтистой лапой зверя, мгновенно попал под него. И тогда в долю секунды на помощь мне поспешил мой ученик — молодой охотник Кыдыр Усенбаев.

Привел мне Абышев и другой случай, как раненный им взрослый медведь, поднявшись на дыбы, пошел на единоборство с ним. Перезарядить одностволку Кулубай не успел. Видя перед собой разинутую клыкастую пасть зверя и протянутые когтистые лапы, охотник, защищая себя, вынужден был ударить медведя ножом. Окровавленного, пораненного Кулубая разыскали друзья.

— С тех пор ты, наверно, был обижен на всех медведей и не раз мстил им за свое ранение? — спрашиваю я.

— Нет, неверно ты думаешь, аксакал. Ни на этого медведя, ни на тех, с которыми мне приходилось потом сталкиваться, ни на барса, рысь, волка я никогда не обижался за те памятные метки, которые они оставляли на мне. Зверь защищает свою жизнь. На его стороне немалая физическая сила, крепкие зубы, мускулистые лапы с острыми когтями. Но я — человек — почти всегда побеждаю их и считаю, что любого зверя нужно беречь и никогда не истреблять напрасно.

Случилось, как-то застрелил я волка. Нагло воровал он у меня из капкана отловленных сурков. Подобный разбой в охотничье-промысловом деле не прощается. Судя по следам, это был матерый опытный зверь.

А когда я подошел к убитому — хищник оказался немощным стариком с уже стерты-

ми и объеденными наполовину зубами. Он уже не мог скрадывать и ловить себе живую добычу. Долго я вспоминал этот напрасный выстрел.

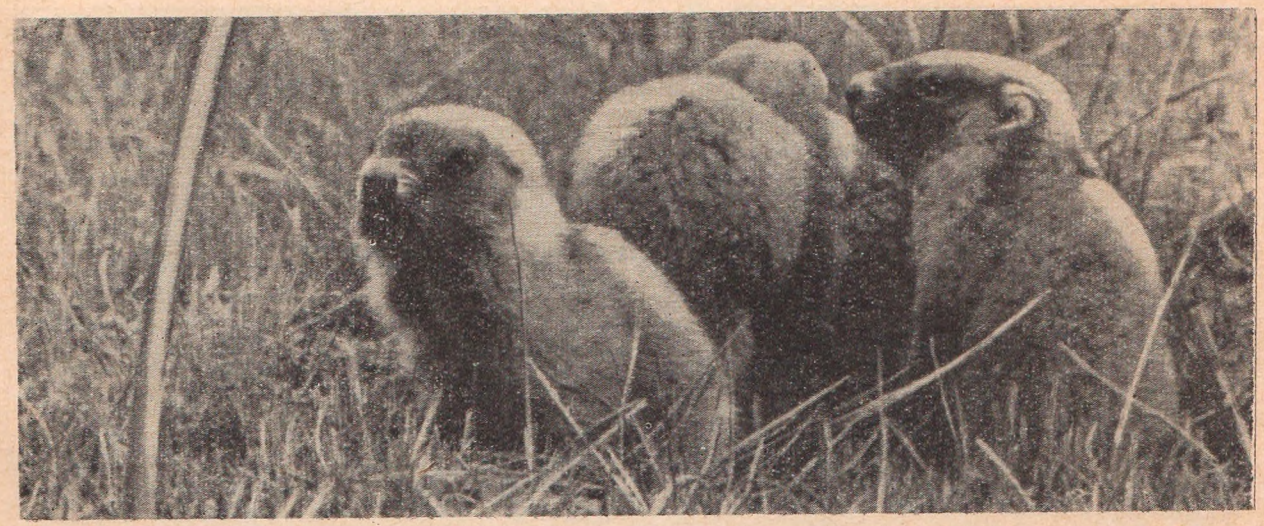
...Много ценных сведений о скрытной и труднодоступной для наблюдений жизни диких животных узнал я от Кулубая Абышева. Показывал он мне, как распознавать звериные следы, как бесшумно ходить в горах. Как читать язык природы — различные сигналы тревоги, подаваемые при появлении опасности четвероногими и пернатыми обитателями гор наших. Как нужно незаметно скрадывать осторожного барса, хитроумную лисицу, как умело расставлять и искусно замаскировывать ловушки, как расшифровывать нелегкую азбуку звериных следов, в какой природной среде обитания и в какие часы суток вероятнее всего увидеть нужного охотнику зверя или птицу. И еще рассказывал Абышев, где и как нужно спасаться в горах при внезапно разразившемся буране, как умело пересекать горные осыпи.

...Так проходили годы на промысловой охоте. Нелепый трагический случай разлучил его с родными горами. Выйдя на отлов барсов, Кулубай шел по хорошо знакомой горной тропе. Смело и, как всегда, привычно поставил ногу на большой камень-кругляк, твердо лежавший на перевальной точке ущелья. Но камень этот вдруг покатился вниз и вызвал сильный камнепад.

...Только на третий день случайно наткнулись на него пастушечьи собаки, помогавшие чабанам перегонять на пастбище овец. Сломанная нога была ампутирована из-за развившейся гангрены.

Сеитказы Джоломанов

Мы ведем неторопливую и деловую беседу с Сеитказы Джоломановым, сыном потомственного охотника Чинибаева Джоломана — участника многих экспедиций Н. М. Пржевальского. Передо мной человек лет 70. Он



чуточку выше среднего роста, крепкий, бодрый и достаточно подвижный для своего возраста. У него умное волевое лицо, окаймленное небольшой седоватой бородкой, и зоркие улыбающиеся глаза. Все движения Сеитказы, как и сама манера вести разговор, — неторопливы и рассудительны. На каждый заданный вопрос он отвечает не спеша, немного подумав.

Когда-то ему, еще очень молодому беркутчи, казалось, что для беркута нет разницы победить лису или волка. Такое его убеждение было не только поверхностным, но и вредным для беркутчика. Он не знал в то время ни «характера» волка, ни «характера» лисицы, ни какими качествами и предельными возможностями обладает его ловчая птица. Рассеять такое поверхностное убеждение ему — молодому тогда охотнику — помогли два случая.

Пущенный на волка беркут его соседа — птица не в полной мере сильная и расторопная — не справился со зверем. Хватая его когтями, беркут этот замедлил на какую-то долю секунды и — покатился с волчьей спины на землю с перекушенной острыми зубами лапой.

Опытная, ловкая, гибкая и сильная взрослая волчица отбила атаку тоже сильного и ловкого, но недостаточно еще опытного молодого беркута. Беркут настиг зверя уже на большом расстоянии от своего хозяина и пока он скакал на коне к месту схватки, волчица успела нанести тяжелые ранения сбитой с себя птице. Молодой беркут этот, проявлявший в обучении огромные способности, погиб по непростительной вине неопытного дрессировщика.

После этих печальных примеров Сеитказы стал знакомиться с волчьими нравами.

— Я разыскивал волчьи логова, не раз наблюдал смелые нападения волчьей стаи на овечьи отары. Видел, какие беды приносят эти хищники животноводству и охотничьему хозяйству. Расставлял на волков капканы с самыми заманчивыми для них привадами.

Видел, как волчица выводит подросших волчат на тренировочные охоты, учит, как скрадывать незаметно добычу и как цепко и без промаха рвать овечье горло острыми зубами, ворвавшись в отару.

И тогда уже окончательно понял, насколько волк силен, осторожен, скрытен, хитер и беспощаден к врагам своим.

И еще понял тогда, почему очень неохотно напускают своих ловчих беркутов на этого злого и хищного зверя опытные беркутчи.

Беркутчи должен хорошо знать и лисьи повадки. Лиса хитра, коварна, очень увертлива и осторожна. Искусно умеет она затаиваться. Очень чутка. В тяжелую для нее минуту может ввязаться в борьбу с противником и пустить в ход свои острые зубы.

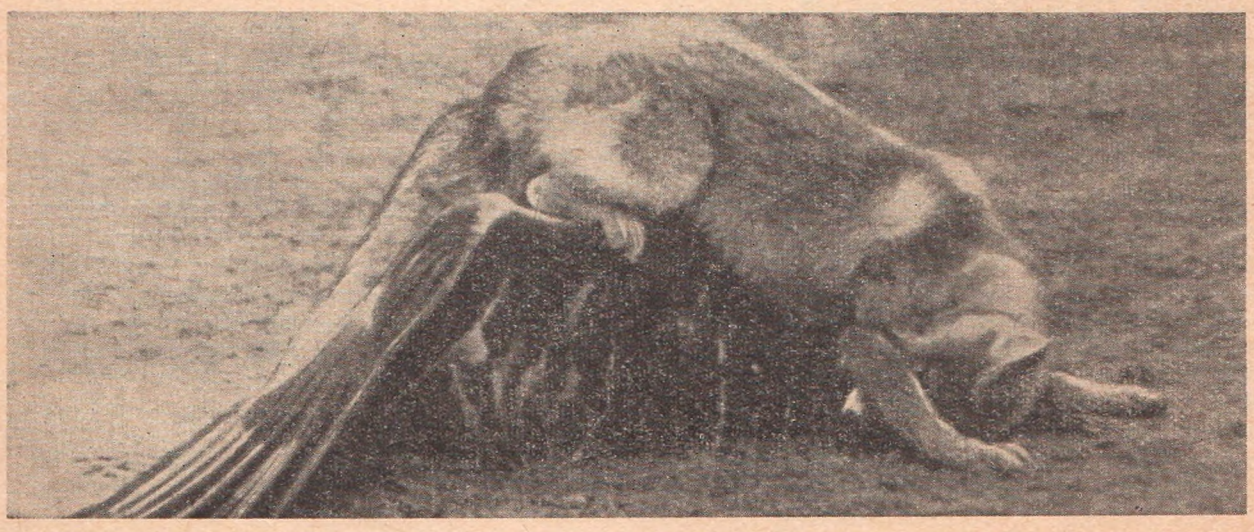
Как-то в бинокль он приметил в горах взрослую лису, лежащую на снегу возле куста джерганака. «Греется, наверно, на солнце. Открыто легла, далеко видно»,— и он привычно снял с головы беркута кожаный колпачек. По его команде птица, упруго оттолкнувшись с руки охотника, начала набирать высоту.

Он вскинул бинокль вторично. И удивился. Лисица продолжала лежать спокойно на том же месте. «Почему же она не убегает, пока у нее есть время?»

Беркут был отчетливо виден простым глазом. Он уже начал делать круги над лисой. И тоже, вероятно, недоумевал, почему зверь не скрывается от него и не убегает в соседние кустарники? К такому лисьему маневру ловчий беркут не привык. И все же спикировал на лисицу.

В третий раз поднял Сеитказы бинокль. На том месте, где лежала лисица, крутился какой-то живой ком. Шла борьба. Быстро доскакал он на коне. И в толстых кожаных варежках еле вырвал у лисицы своего смелого, но еще очень молодого неопытного беркута.

Оказалось, лисица попала левой передней лапой в расставленный кем-то капкан. Когда беркут ударил по ней, лиса, с капканом на лапе, ловко подмяла птицу под себя. Сильный орел вывернулся, бил ее клювом и крыльями. Лиса огрызалась. Взрыхленный



вокруг снег был усеян мелкими перьями, пухом беркута и клочками лисьей шерсти.

Очень опасался за беркута Саитказы, что напуганный и крепко пощипанный лисицей, не будет он больше отлавливать этих дорогих пушных зверей. А когда через год беркут повзрослел, стал сильным, мощным и опытным, Сеитказы добыл с ним за один удачливый сезон охоты не только 64 лисицы, но и 9 волков.

Умелой выучке беркутов помогала удивительная способность Сеитказы. Отловленного для обучения беркута Джоломанов никогда не считал своим пленником, а только помощником в охоте и другом. Горной ключевой водой поит он своего питомца. Лучшими и только свежими кусками мяса кормит его. Поглаживая перья птицы, Сеитказы умеет вести с ней какую-то особую, ласковую беседу, и пернатый воспитанник хорошо понимает эту ласку и всегда радостно, особым клекотом, приветливо встречает хозяина. Больше 60 беркутов отловил, выучил и воспитал этот опытный беркутчи. Тысячи шкурок различных пушных зверей сдал он государству. Дважды премировался значком «Отличник охотничьего промысла». Дважды был удостоен чести за свое отличное мастерство и высокие показатели быть участником Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства.

Выехав на охоту впервые четырнадцатилетним подростком, Джоломанов до семидесятипятилетнего возраста, уже белобородым почтенным аксакалом ни на один день не бросал обучение и воспитание своих пернатых питомцев.

— Я понял, — рассказывает мне Сеитказы, — что среди орлов, так же как и среди людей, имеются добрые и ласковые, злые и обидчивые птицы, энергичные, настойчивые и очень активные в работе, есть и вялые, инертные, какие-то безвольные и даже слабые птицы.

И еще подметил Сеитказы, что у некоторых беркутов есть свои индивидуальные особенности, отличающие их от остальных птиц.

Так беркут Жан-боз был крайне злым, вспыльчивым и раздражительным. Стоило только подойти к нему, когда он крепкими мускулистыми лапами цепко держал пойманную добычу, как он мгновенно начинал свирепеть, зло щелкать клювом на хозяина и, прикрывая добычу крыльями, расставался со своим трофеем только по принуждению. Был упрям и крайне настойчив. Злился и раздражался во время кормежки. Не брал даже лучший кусок мяса, если он не нравился ему.

— Но я очень берег и любил этого беркута, — рассказывает Джоломанов. — Он был быстрым, ловким, настойчивым и неутомимым. Оба мы привыкли друг к другу.

Старые опытные беркутчи, друзья Джоломанова по профессии, предупреждали его, что наживет он с этой птицей беды.

— Промахнется как-нибудь на отлове зверя твой шальной и диковатый Жан-боз,— говорили они, — и спикирует на твою храбрую голову.

Хоть и редко, но бывали такие случаи.

...Как-то Сеитказы выехал с Жан-бозом на лисью охоту. Каменисто-скалистое, пересеченное расселинами и кустарниками угодье было благоприятным для маскировки зверя и очень тяжелым для просмотра ловчей птицей. Но огромная красавица лиса в зимнем пушистом наряде да и сама близость ее были так соблазнительны, что Сеитказы быстро снял кожаный колпачок с головы беркута. Глазастый, расторопный беркут мгновенно приметил свою добычу и, взлетев вверх, сразу взял курс напрямик к зверю.

«Через минуту эта зазевавшаяся растяпа будет лежать в нашей охотничьей сумке», — радостно подумал беркутчи.

Жан-боз уже сделал обычный ориентировочный круг над зверем, и охотник ждал, что птица сейчас спикирует. Когда же беркут неожиданно пошел на второй, а за ним начал и третий заход, Сеитказы понял, что зверь потерян и искать его будет трудно.

Но вот лиса обнаружена. Он видит, как она спешит во весь дух к растущим поблизости от нее кустарникам.

Спеша, чтобы добыча не скрылась вновь, Жан-боз резко снизился и ударил по лисе, но из-за торопливости своей чуточку промахнулся и в ту же долю секунды лисий хвост только и мелькнул в кустарнике.

Сеитказы был уверен, что птица разбилась о камни. И он сильно волновался за своего пернатого друга.

Разозленный неудачей и разгоряченный охотничьим азартом Жан-боз тотчас поднялся в воздух и в предельно быстром полете ринулся на... хозяина и уже вытянул вперед когтистые лапы перед самым лицом его. Но мгновенно сбитый двумя ударами крепкой камчи, нанесенными ловкой и очень сильной мускулистой рукой Джоломанова, беркут свалился с распростертыми крыльями на землю и сразу обмяк.

«Эх, загубил я, наверное, птицу», — пожалел Сеитказы. Но беркут был жив, только тяжело дышал.

...То ли особый режим, постоянный уход, забота, ласка, питание и уменье ухаживать за птицами в неволе, то ли могучая, крепкая натура беркута сделали свое дело. Через месяц Жан-боз выздоровел.

Птица после выздоровления резко изменилась в своем поведении. Бесследно исчезли ее прежняя почти постоянная злоба, вспыльчивость и обиды. Она стала спокойной, ласковой и еще больше привязалась к своему воспитателю.

Джоломанов — старейший в Иссык-Кульской области беркутчи — до 75-летнего возраста держал первенство в национальном виде спорта — охоте с беркутами.

ГОРНЫЙ БУРАН

(Путевая быль)

Слышал я от горных промысловых охотников Киргизии, от чабанов и аксакалов — постоянных горных жителей страшные были о нередких в горах сильных буранах, вмиг засыпающих снежными глыбами тропы и застилающих снежной пургой глаза, когда люди и кони теряют привычные для них ориентиры даже в хорошо знакомой им местности.

Много нужно иметь душевного напряжения, воли, сил и энергии, чтобы не растеряться в такой обстановке, когда один неверный, ложный шаг может угрожать гибелью путнику и коню его. Еще хуже, если конь споткнется на обледенелых камнях узенькой горной тропки, на которой он и в хорошую-то ясную погоду поминутно нащупывает, куда ему надлежит надежно и цепко поставить ногу.

Вот такая свирепая, горная метель свалилась неожиданно на меня в верховьях ущелья Заука на хребте Терскей-Алатоо. Ничего не предвещало бурана. Над головой простиралось голубое до синевы небо, без единого облака. Стоял теплый декабрьский зимний день с ярким высокогорным солнцем. В такую тихую, ясную погоду выехал я верхом с Заукинского егерьского сторожевого пункта, где останавливался по срочным охотоведческим делам.

Прошло не более часа пути, когда с ледников подул очень сильный ветер. На небе появилась огромная туча, вмиг закрывшая солнце. За ней вскоре ветром надуло вторую тучу и третью. И тогда все небо, потерявшее

голубизну свою, окрасилось в темно-серый свинцовый цвет. Резко похолодало. Часы мои показывали одиннадцать дня. Мне же казалось, что наступил вечер, — так потемнело во всем ущелье.

Огромными хлопьями повалил слепящий глаза снег. Вскоре исчезла всякая видимость, а с нею и привычные для глаза знакомые ориентиры. Ноги в стальных стременах седла начали нетерпимо мерзнуть. Мерзло и все тело. Ни ватная телогрейка, ни надетый сверху намокший под снегом меховой полушубок почти не грели. Пришлось спешиться. А буран не только не прекращался, но все больше нарастал. Бушевала, ревела, неистовствовала свирепая метель. Острыми иглами колол, бил с размаху горстями в лицо холодный снег.

Вероятно, мне нужно было повернуть обратно к теплой сторожевой избушке Заукинского егерьского пункта и переждать в ней метельную свистопляску, но я уже потерял ориентир. Густая, непроницаемая снежная пелена стояла перед глазами, точно непроходимая стена.

Скользя по обледенелым камням все чаще стал спотыкаться конь. Плохо слушались и мои задеревеневшие на морозе ноги. Положение мое становилось уже явно опасным. Но и останавливаться без огня тоже нельзя было. О вязанке дров в такую пургу нечего было и мечтать. Надо было идти только вперед. И я шел. Падал и поднимался. И вновь шел вперед.

Какая-то подсознательная интуитивная уверенность в счастливом исходе, что я непременно и благополучно доберусь до стана, твердо вселилась в меня. Так одолели мы с конем еще два-три километра.

Вдруг конь неожиданно остановился. И, повернув голову назад, звонко заржал... и тогда к нам под ноги кинулись с лаем два больших пса — охотничьи гончаки. Вслед за этим на тропе появились два человека в запорошенных снегом брезентовых плащах. Это

были заведующий Пржевальской зообазой Герасим Александрович Самсонов, у которого я часто бывал по охотоведческим делам, и мой давний знакомый охотник Кулубай Абышев.

Добрая, радостная и неожиданная была встреча эта.

— Как же это вы, да еще с грузом, решились выехать в такую погоду? — спросил я Самсонова.

— Да ведь дело наше охотничье. Я приехал, чтобы помочь Абышеву довезти груз до Пржевальской зообазы.

Через седло были перекинуты завернутые в брезентовые мешки и кошмы головами наружу два больших снежных барса, злобно смотревших на меня своими опалового цвета глазами.

— Палатка тут моя километрах в трех раскинута. Давайте поторапливаться. Там и погреемся, — предложил Самсонов.

— Не могу я, Георгий Александрович, ступить на ноги. Замерзли они у меня. А на седло сесть — и вовсе поморозишь их, — ответил я.

Самсонов расстегнул два небольших брезентовых мешка и вытащил из них объемистые вязанки чудесного елового сухостоя, сложив на тропку, подложил под него промасленную тряпку и одной спичкой разжег веселый костер. Быстро вскипел объемистый чайник доброго чая. Из переметной сумки вынули мясо, огурцы, хлеб. Плотно закусив и напившись обжигающе горячего крепкого чая, мы быстро согрелись.

Часа через полтора наш конный «караван» уже подходил к палатке Самсонова.

На следующий день утром по всему Заукинскому ущелью ярко светило высокогорное солнце. И в его лучах миллионами золотых блесток вспыхивала и искрилась нетронутая белая пелена снега.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛ МНЕ СТАРЫЙ ЕГЕРЬ

Браконьерский выстрел не сразу свалил крепкую и сильную свиноматку. Раненая, она мгновенно кинулась в растущие поблизости густые заросли стелющегося арчевника — к спасательному для нее заслону.

Там, в путанных сплетениях были до мелочи знакомы ей все извилистые кабаньи тропки, ходы и выходы. Там, в арчевнике, в этом самом открытом потайном месте была ее постоянная дневная лежка, а в последнюю неделю — и оборудованное логово с четырьмя крохотными полосатыми поросятами.

На несколько скачков опоздала свиноматка до границы арчевника. Вслед за первым сразу же оглушающе прогремел второй, смертельный выстрел.

Егерь находился на обходе в одной из отдаленных зон охотничьего участка. Когда первый выстрел прокатился по горному лесу, он насторожился. А когда через минуту эхо донесло повторный выстрел — быстро поспешил к месту стрельбы.

Стреляли, как ориентировочно определил Кузьма Михайлович, у верхней границы арчевника. Стрельба велась из дробовых ружей и, судя по громкости, усиленными зарядами, применяемыми только на крупного сильного зверя. Таким завидным зверем для браконьеров могли быть здесь только кабаны. Но сейчас, в середине апреля, начался опорос и многие свиноматки были уже с поросятами. Егерь вспомнил, что только вчера, на вечерней заре, приметил он, как одна из таких счастливых матерей осторожно, опасливо выводила из арчевника свою семью — четырех совсем еще крохотных поросят. Боясь оставлять в первые дни рождения своих питомцев одних в логове и, вероятно, сильно проголодавшись, она, не дожидаясь темноты, вышла на свою всегда тихую и спокойную ближайшую кормежку.

«Уж не по ней ли стреляли?» — подумал Кузьма Михайлович и еще быстрее заторопился, чтобы хотя бы за час до заката солнца попасть к предполагаемому месту происшествия.

...Показалась верхняя граница арчевника. Кузьма Михайлович спустил с ременного поводка свою огромную овчарку-волкодава. До заката солнца пробродил он с собакой по еловому лесу, но ни одного следа — ни людского, ни звериного — не обнаружил в угодьях чутьистый пес. А вечерние сумерки все больше сгущались. И когда лес окутала полная ночная темнота, Кузьма Михайлович вынужден был отложить дальнейшие поиски до утренней зари.

Дойдя до тропки у арчевника, с которой он еще засветло свернул в лес, егерь неожиданно услышал какие-то звуки, очень схожие с теми, которые издают голодные маленькие поросята. Они то прекращались, то повторялись вновь.

Овчарка, заслышав их, стала рваться с поводка и почти сразу же привела хозяина к кустарникам и начала обнюхивать их. Опасаясь, что, наткнувшись на поросят, она вспугнет их, Кузьма Михайлович опустился на колени и, засветив фонарь, увидел перед собой два куста молодого барбариса и под ними клочок прошлогодней травы. Сняв с себя ватник, он терпеливо стал ждать. И когда кто-то почти рядом с ним зашевелился в траве, быстро накрыл это место ватником.

«Тут наверняка была убита браконьерами свиноматка. На рассвете начну поиски», — решил егерь.

Дома, рассказав жене о случившемся, Кузьма Михайлович начал с таинственным видом развязывать свою телогрейку и из нее один за другим начали выскакивать крохотные поросята.

— Еду, еду им быстрее налаживай, голодные они со вчерашнего дня, — торопил егерь Марию Семеновну.

Расторопная хозяйка налила вечернего парного коровьего молока в бутылку, закупорила ее запасной дочерней соской и по очереди у себя на коленях накормила каждого поросенка. Сытно наевшаяся, укрытая теплой подстилкой поросячья семья вскоре успокоилась и заснула.

— Что же мы дальше-то делать будем, Кузьма, с находкой твоей живой? Четверо ведь их, как кормить будем, да уход ведь какой за молочными поросятами ежечасный нужен, а у меня и без них на руках целое хозяйство,— сетовала жена егеря.

— Прокормим, Марья, месяца три-четыре, двоих соседу леснику отдадим, а как подрастут да окрепнут — на вольную волю в лес выпустим. Не мог я сосунков беспомощных одних в лесу оставить. Оголодали бы они или на съеденье лисе попались.

Двух крохотных свинок оставили они себе, а еще одну свинку и боровка отдали на воспитание леснику.

...На рассвете на верховом коне в сопровождении охотничьей овчарки Кузьма Михайлович был уже в горном лесу на месте, где нашел поросят. Собака начала поиски, и вскоре Кузьма Михайлович услышал ее злой, прерывистый лай и поспешил ей на помощь. Овчарка со вздыбленной на загривке шерстью обнюхивала большую кровяную лужу.

«Правильно, значит, я сориентировался», — подумал егерь.

Вокруг кровяной лужи четко обозначились следы людских ног, обутых в кожаную и резиновую обувь. Тщательно всматриваясь в эти следы, он определил, что участников преступления было не менее трех человек. Еще явственнее определялись два конских следа с подкованными копытами. Крупную тушу убитой свиноматки браконьеры не могли целиком погрузить на коня, и тем более замаскировать ее неприметно для посторонних глаз. Обилие крови, кабаньей щетины и шерсти говорило о том, что туша была освежевана на месте убоя и, разрубленная на куски, распределена по охотничьим сумкам преступников.

С момента вчерашней браконьерской стрельбы до рассвета сегодняшнего дня прошло не менее двадцати часов. Браконьеры за такой промежуток времени несомненно добрались уже домой. Но след их до одного из подгорных сел мог еще не выветриться. Кузьма Михайлович решил пройти с собакой по браконьерским следам до конца их пути. Одно тревожило егеря: над всем ущельем уже с рассвета начали нависать тяжелые, темные тучи и холодный ветерок с ледников стал нагонять их сейчас еще больше, быстрее.

Чутьистая собака бодро повела хозяина по браконьерскому следу к низу ущелья. Но вскоре разразился весенний ливневый дождь, мгновенно смывший не только все следы, но и размывший во многих местах и саму горную тропку. Так непогода помешала егерю задержать браконьеров.

...А приемыши — дикие поросята, — благодаря заботам и ласковому обращению, прекрасно чувствовали себя на сытных харчах шефствующей над ними Марии Семеновны. Они быстро росли, крепли и подружились со своей кормилицей и воспитательницей.

Прошла весна. Прошло лето. А к осени поросята совсем почти догнали в росте взрослых животных. Наступила пора выпускать их на волю. Тут Мария Семеновна запротестовала: и волки де ее поросят съедят, и сами-то они не сумеют раздобыть себе корм, коли с соской на готовой еде вырастали, и людей они не боятся, и браконьеры забьют их непременно, и в гурт их дикие свиньи не пустят с домашнего двора.

Но егерь настоял на своем. Молодые свинки, выпущенные на свободу, не пошли в дальний лес, а на ближней поляне начали копать влажную землю. Разыскав какой-либо

съедобный корень, животные с хрустом и чавканьем аппетитно разгрызали его.

Долго стояла у открытой калитки Мария Семеновна, наблюдая за своими питомцами, пока они не скрылись из виду... Выйдя к вечеру подойть корову, она по привычке заглянула в свинарник и чуть не выронила из рук подойник — в свинарнике, тихонько похрюкивая, отдыхали обе вернувшиеся домой дикарки. Так весь октябрь и выпасались они в дневную пору на подножном корме неподалеку от дома, а вечером возвращались.

Наступил ноябрь, а с ним пришло и время брачной поры у диких свиней. И обе свинки, всегда уживавшиеся друг с другом, стали злыми и драчливыми. Перевертывали пойло, отказывались от еды, и даже к хозяйке относились враждебно. И тогда Мария Семеновна поняла — настала пора расставания.

...Почти неделю ожидала Мария Семеновна их возвращения. На шестые сутки ночью брякнуло кольцо у калитки. Раздетая побежала хозяйка открывать ворота. Одна из свинок привычно проскочила во двор, а другая, завидя человека, тревожно метнулась в сторону и исчезла... До рассвета лаяла во дворе привязанная на цепь овчарка, и Марие Семеновне все казалось, что кто-то бродит возле их избушки.

Утром вернулся из объезда Кузьма Михайлович. Подъезжая к сторожке, он сразу же приметил на снегу у ворот, и особенно у плетня, к которому примыкал свинарник, следы крупного взрослого кабана. А когда Мария Семеновна рассказала ему, что одна из свинок вернулась, а вторая, завидя ее, почему-то испуганно метнулась к лесу, он пояснил жене, что ее Найденка сманила к себе в гости своего нового знакомого — взрослого кабана-секача, который и сопровождал ее, но, почуяв людское жилье, побоялся войти во двор и всю ночь вызывал к себе свою желанную подругу. На него-то и лаяла овчарка.

Утром мечущуюся по свинарнику Найденку хозяйка выпустила на свободу. Домой она больше не вернулась. Чувство полной свободы, прелесть которой она поняла в родном для нее горном лесу, знакомство с родичами и, возможно, скорое материнство взяли верх над лаской, сытной едой и всеми удобствами, но в неволе. Не вернулись домой и повзрослевшие поросята, выпущенные на волю соседом лесником.

И сразу опустели от веселого поросячьего визга, беготни и веселых игр хозяйственные дворы двух соседей. Но все были рады тому, что спасенное егерем Кузьмой Михайловичем поросячье семейство приобрело желанную свободу.

Горная быль эта была рассказана мне бывшим егерем, зверовым охотником и опытным барсоловом, а ныне пенсионером Кузьмой Михайловичем Багревым, уроженцем Прииссыккулья, проживающим в г. Пржевальске.

НЕУДАВШИЙСЯ ФОТОСНИМОК

Разговорился я как-то с охотоведом Н. А. Нестеровым, как бывает трудно найти фотографию зверя или птицы, заснятых в их родной среде.

— В каком фотоэтюде вы особо нуждаетесь? — спросил меня Николай Андреевич.

— Да вот фотографии снежных барсов нужны мне для моих очерков и рассказов о них.

— Ну что ж, эту просьбу я, пожалуй, выполню.

На одном из лучших и проверенных барсиных угодий были расставлены капканы. И в один из них почти сразу же попал мощный зверь. Судить о его силе можно было по тому, что тяжелый, массивный капкан с притороченной к нему волокушей (цепью с чурбаком) зверь уволок на лапе в соседний островок джерганака, где и затаился.

Снега в зоне отлова барсов не было. И потому отпечатки лап зверя на сухой каменистой почве не зафиксировались.

Обойдя вокруг этого островка и убедившись, что обратного следа из кустарников не было, Нестеров привычно вскинул заряженную винтовку и, приготовив для съемки фотоаппарат, осторожно, неслышными шагами следопыта вошел в кустарник. И уже мысленно радовался, что сможет выполнить просьбу товарища.

В горном отщелке стоял солнечный и на редкость тихий день без малейшего признака ветерка. Ни одна ветка кустарника не шелохнулась.

Пробравшись до середины островка, барсолов сразу приметил, что след от поволоки исчез. Значит зверь затаился где-то поблизости. Внимательно и осторожно осматриваясь вокруг, барсолов увидел, что ветки одного из кустов будто бы внезапно качнулись вправо, влево... И сразу замерли.

«Показалось», — подумал Нестеров. Кругом по-прежнему стояла глубокая тишина.

Для проверки охотник тихонечко свистнул. Никто не откликнулся. Тогда он повторил свист громче. И сразу же метрах в 8—10 от него затрещал кустарник, и из него на мгновение приподнялся крупный зверь и сразу же опустился на землю. Густые ветки и краткость самого момента не дали возможности хорошо рассмотреть зверя.

Держа винтовку на согнутых руках и отрегулировав фотоаппарат, Нестеров продвинулся на три — четыре шага вправо, откуда можно было четко сфотографировать зверя крупным планом.

И тогда-то из куста вместо ожидаемого барса взметнулся на дыбы взрослый матерый... медведь. И в такой позе, оскаливши пасть, огромный и могучий, он рванулся к охотоведу.

Отбросив фотоаппарат, охотник вмиг приложил винтовку к плечу для оборонительного выстрела. Он надеялся, что натянувшаяся

цепь от волокуши капкана задержит зверя и он остынет от злобы. И цепь действительно натянулась, причинив острую боль защемленной капканом и уже натруженной задней лапе медведя. Но вместо ожидаемого успокоения зверь взъярился еще больше. Рявкнув от боли и злобы, он сделал со всей медвежьей силой огромный рывок и капкан соскочил с пораненной лапы.

Освободившись, зверь в три — четыре быстрых прыжка оказался перед Нестеровым на расстоянии дула направленной винтовки. И вновь взметнулся на дыбы. Защищая свою жизнь от медвежьего броска, Николай Андреевич успел в упор выстрелить в него.

Нет, зверь не упал мгновенно после выстрела и на этом не закончилось их единоборство. Наоборот, простирая передние лапы к человеку, он всей тяжестью своего корпуса сбил Нестерова с ног и подмял под себя.

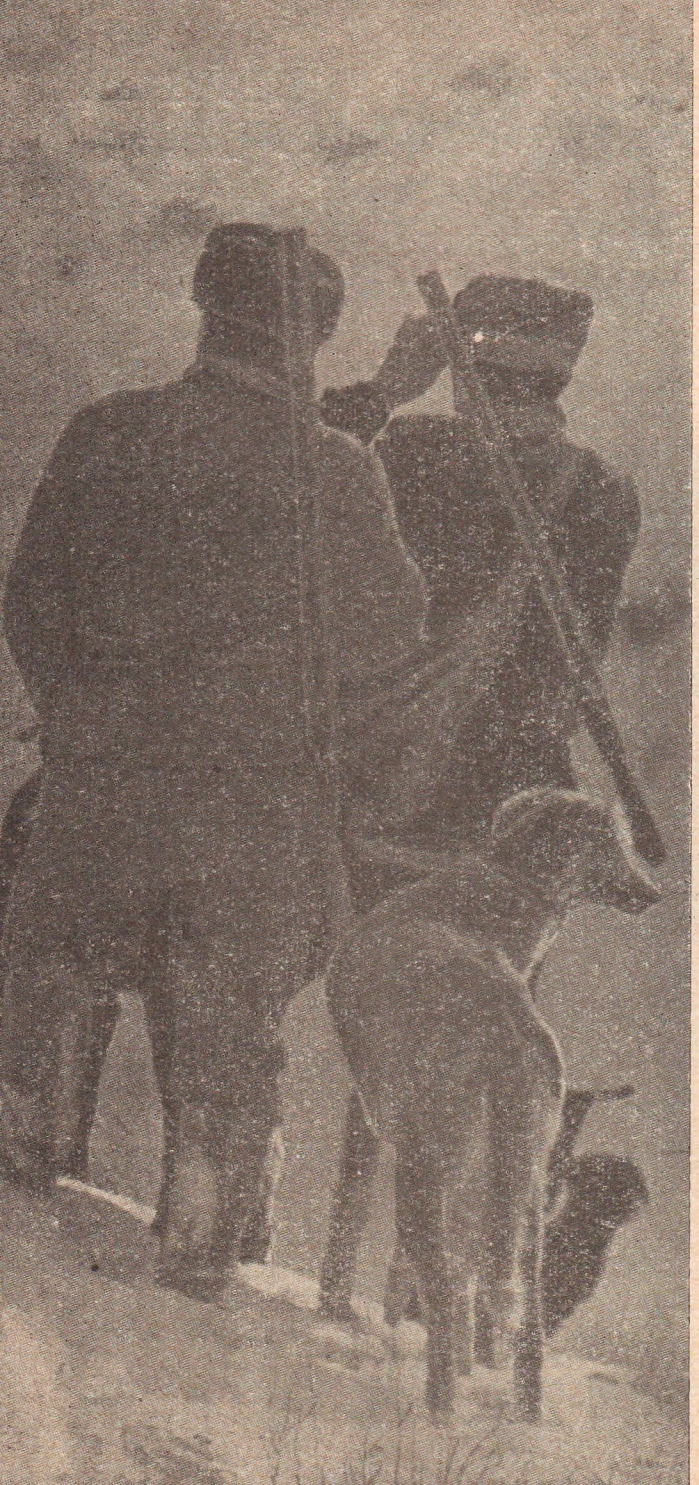
Очутившись под тяжелой, потной, с отвратительно удушливым запахом тушей зверя, Нестеров побоялся в первый момент даже пошевельнуться, чтобы зверь не задрал его. И только почувствовав, что голова и лапы медведя начали конвульсивно подергиваться и наконец вся туша замерла и стала неподвижной, он понял, что медведь уже мертв и стал выбираться из-под него.

На мой вопрос, зачем же он расставлял капканы на барсов в местах, где водится немало медведей, Н. А. Нестеров ответил, что ни он, ни егерь его — Окинай Мукамбетов,— ни лесник, ни чабаны ни разу за много лет не встречали в этих угодьях ни одного медведя, и что угодья эти, наоборот, считались ими одними из лучших барсиных мест. Но подобный случай — чтобы в барсиный капкан медведь попал,— произошел не впервые.

Так в капкан, выставленный на барса, ввалился как-то передней лапой годовалый медвежонок и мощная пружина ловушки раздробила ему ступню. В барсиные капканы попадали семиреченские рыси. Попала как-то и очень чуткая на расставляемые ловушки волчица. Изредка попадали и лисы.

...У себя дома, в городе Пржевальске, Николай Андреевич, улыбаясь, вручил мне два фотографических снимка барсов. Слово свое он сдержал.

ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ



ДАВНИЙ ЗНАКОМЫЙ ОХОТОВЕДА

Первые сведения об очень смелом и дерзком волке Николай Андреевич Нестеров получил от чабана, выпасавшего крупную отару овец неподалеку от егерского наблюдательного пункта, расположенного в ущелье Алтын-Арашан на хребте Терскей-Алатоо.

В предрассветную пору, скрытно подобравшись к спавшим метрах в тридцати от чабаньей палатки овцам, хищник схватил разлегшуюся в стороне от отары овцу и поволок ее за собой.

От собачьего лая проснулась и заволновалась вся отара.

Чабана не было дома. Рано утром он уехал в Теплоключенку за солью для овец. И надзор за отарой поручил опытной в пастушьем деле жене своей, поэтому он не особенно беспокоился за овечье хозяйство.

...Жена чабана, услышав тревогу, мгновенно выскочила с ружьем из палатки. Рассвет еще не наступил, и ущелье было окутано ночной тьмой. Встревоженные овцы сгрудились в тесную кучу почти у самого входа в палатку. Опасаясь повторного нападения и не видя в темноте один или несколько волков напали на животных, хозяйка не решалась оставить овец в одиночестве и преследовать хищника. Она лишь выстрелила дважды в ту сторону, откуда доносился до нее озлобленный лай собаки, и начала скликать и успокаивать овец.

Вернулась собака, погнавшаяся за хищником. Подозвав ее к себе и погладив, женщина обнаружила на загривке пса кровь. Она растерялась. Случилось так, что для охраны отары осталась одна сторожевая собака, два других рабочих пса болели. Этот же, самый опытный и проворный, был сильно поранен

и все же рвался к месту схватки с волком. Боясь, что азартный пес уйдет и погибнет, жена чабана привязала его около палатки. Сама же, до приезда мужа, осталась охранять отару.

Наступил долгожданный рассвет. Вернулся чабан. Увидев зарезанную волком овцу и измазанного кровью пса, он прихватил в палатке второе ружье и, не расседлав коня, поехал по волчьим следам.

Карканье ворон и стрекотание сорок помогли ему найти место волчьего пиршества. Растерзанная овца лежала в скалистой местности между камней, наполовину съеденная. Здесь уже пировали и зоркие грифы, и сипы. Их сменили непрерывно дравшиеся и горланящие вороны и сороки...

Совместный розыск соседей-чабанов, засады на волка были безуспешны — хищник был неуловим.

Тогда-то чабан и обратился за помощью к охотоведу.

...Тихо, спокойно прошел добрый десяток дней. Охотовед, лесники, чабаны обыскали за это время самые глухие волчьи места, но хищник исчез, словно никогда и не заходил в Алтын-Арашанское ущелье.

Уже решили, что зверь этот был случайным здесь, потому и не задержался надолго.

И вдруг неожиданное происшествие. В дневное время, дерзко, нахально и безбоязненно в самую середину соседней отары ворвался крупный волк. И на глазах опытного чабана и подпаска начал резать овец. Стрелять по хищнику, находящемуся в гуще овец, невозможно. И наглый зверь, словно учитывая это, продолжал кромсать животных. В отаре возникла паника. Три сторожевые пастушечьи собаки, прорываясь через стадо, чтобы схватить хищника, сбили с ног несколько овец. Паника еще больше усилилась. Все три собаки не могли одновременно окружить волка, а он — мощный, сильный — быстро отбрасывал их от себя по

одиночке. И только тогда прорвался из отары, когда все псы подобрались к нему.

Выстрелы, пущенные уже на далеком расстоянии, не причинили ему вреда, и волк благополучно скрылся.

Немало натворил бед в овечьих отарах этот лютый жадный зверь. Все лето чабаны разыскивали его.

Обосновавшись в ущелье где-то в очень укромном скрытном месте, зверь оставался на свободе и время от времени внезапно налетал на чью-нибудь отару.

...В одном из своих очередных охотоведческих обходов Н. А. Нестеров приметил на снегу след очень крупного волка. След вел напрямик к замаскированному охотоведом капкану, выставленному очень давно и без всякой привады. Место у этого капкана было все истоптано волчьими лапами. Из защемленной пружины капкана торчала какая-то кочерыжка. Нестеров признал в ней половину волчьей лапы — хищник перегрыз лапу, которая попала в капкан, и скрылся.

Чабаны еще не раз видели издали хромоногого оставшегося на трех лапах мощного волка. Но он был так осторожен, что никого не подпускал к себе. Иногда, но непременно в очень темные ненастные ночи, прокрадывался он в отары и неизменно оставался живым. Поэтому Нестеров не прекратил с ним борьбы и все-таки поймал его...

Клыкастое чучело массивной лобастой головы этого волка выставлено в горном зоомузее Теплоключенского отделения Иссык-Кульского охотничьего заповедника в Алтын-Арашанском ущелье.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ДРУЗЬЯ ЧАБАНОВ

Почти круглый год миллионы овец пасутся на отгонных пастбищах Киргизии. Огромную помощь в нелегком труде оказывают чабанам сторожевые собаки — преданные и испытанные четвероногие друзья. Нужно ли собрать отару, подогнать отстающих или завернуть отбившихся в сторону овец — все это умело делают собаки.

Я много слышал о пастушечьих собаках, о их верной службе хозяевам.

...Проводя зоогеографическое описание Кара-Балтинского ущелья, мы с егерем Евгением Шевченко в тот день сильно запоздали. Стоял на редкость холодный октябрь. По всему ущелью непрерывным потоком двигались с летних пастбищ отары овец, косяки лошадей и крупный рогатый скот. Животноводы торопились спустить их вниз до закрытия перевала.

Пробиться по ущелью на конях через эту плотную массу скота было очень трудно, и мы решили заночевать в отщелке Рябиновом. Въехав в отщелок, мы заметили костер и поспешили на огонек. Навстречу нам с громким лаем бросились три огромных пса. Подбежавшие чабаны с трудом отогнали их.

Спешились. Познакомились. Чабаны рассказали, что они только что спустились с перевала Туя-Ашу и решили дать отдых овцам.

Отара утомленных животных расположилась на ночь рядом с костром. Собаки, видя посторонних, еще долго не могли успокоиться.

— Злые псы у вас, прямо с волчьей хваткой.

Старый чабан Бермат Акышев улыбнулся и, показывая рукой на овец, ответил:

— Посмотри, аксакал, сколько овец отдыхает здесь. Не будь таких собак, кто бы мог ночью охранять их? — И подбросив в костер ветку арчевника, чабан крикнул: —Бугучар!

Щетиня шерсть и злобно рыча, к огню подошел огромный, лобастый, мускулистый пес.

— Вот он, мой главный сторож, посмотрите на него.

— Да, с таким псом страшно встретиться,— невольно произнес я, рассматривая этого настоящего зверя.

— Правильно говоришь. Бугучар не раз схватывался с волками — спасал отару.

И Бермат рассказал мне такую историю.

Бугучара воспитывал он сам. Щенок рос злобным и не терпел ничьей ласки. Даже на него — хозяина и кормильца — нередко скалил клыки. И только восьмилетний Кулубай, сын Бермата, безбоязненно подходил к псу, трепал за уши и садился на него верхом. В годовалом возрасте впервые привели Бугучара в отару. И за два года ни одна овца не попадала в волчьи зубы.

Но однажды беда все же нагрянула. В тот памятный день Кулубай был вместе с отцом на пастбище. Под вечер, когда овец погнали в кошары, неожиданно разразился буран. До фермы оставалось с километр пути, когда у поворота реки на отару налетела волчья стая. Заметались в панике животные. Собаки вмиг сцепились с хищниками. Наконец волки были отогнаны, но они успели зарезать четырех овец. Долго собирали чабаны разбежавшихся напуганных животных, а когда собрали, нигде не могли найти Кулубая.

«Да, наверное, он уже дома. Напугался и убежал на ферму»,— решил Бермат. Не оказалось и Бугучара. Тревога охватила всех. Пес никогда не покидал отару. «Уж не несчастье ль случилось?»— подумал Бермат. И точно в подтверждение его тревожных дум со стороны реки раздался приглушенный собачий лай с завыванием. Находившиеся около чабанов собаки вмиг кинулись туда. За ними последовали и чабаны. Протяжный вой повторился ближе.

Оказалось, израненный волками Бугучар натолкнулся на следы Кулубая, свалившегося в суматохе под обрывистый берег реки, и остался рядом со своим любимцем. Но подняться уже не смог. Не мог подняться и Кулубай, повредивший при падении ногу. Подать голос о помощи побоялся, чтоб на него не напали волки.

Девять ран зашил тогда Бермат на теле собаки. Кулубай сам ухаживал за ней. С тех пор пес еще больше привязался к мальчику.

— Сейчас,— говорит Бермат,— Бугучар по-прежнему вожак собачьей стаи. Силен, злобен и бесстрашен. И когда Кулубай навещает в горах отару, он радостным лаем встречает его.

...Давно наступила ночь. Угасал костер. Крупные звезды ярко блестели над отщелком. Положив головы на спину друг другу, спокойно спали овцы. Улеглись на покой и чабаны. И лишь неутомимые сторожевые собаки зорко охраняли уснувший чабанский стан.

БЕСПОКОЙНЫЙ ТРОФЕЙ

По просьбе Союзного «Зооцентра» необходимо было произвести отлов снежного барса и доставить его на Киргизский межзональный зоокомбинат в город Фрунзе. Выполнить это задание Киргизская госохотинспекция поручила опытному барсолову, охотоведу Теплоключенского горного участка Иссык-Кульского заповедника Николаю Андреевичу Нестерову, на счету которого уже числилось двадцать отловленных барсов.

...Ущелье Теплоключенского горного участка Алтын-Арашан, в верховьях которого расположен егерский контрольно-наблюдательный пункт, насчитывает больше двадцати отщелков. В один из них — Кулдурак — выехали с егерского пункта с барсиными капканами и другими орудиями лова Н. А. Нестеров и егерь заповедника Окинай Мукамбетов. В отщелке им нередко встречались снежные барсы. Это было излюбленное место обитания горных козлов козерогов, а они для барсов — основная пища.

Охота — дело не всегда удачливое. И случается, когда нужно выполнить срочный охотничий заказ, это мероприятие не всегда укладывается в точно намеченные сроки.

Так случилось и в этот раз. Барсы, словно почуяв, что кто-то из них должен попасть в ловушку, совершенно не попадались на глаза барсоловам.

Снежный покров в зоне Кулдурака на его южных солнечных склонах почти отсутствовал, да и на северных быстро оттаивал под солнцем. Даже свежие следы зверей быстро расплывались не оставляя верного ориентира охотникам. Расставленные капканы в самых верных, надежных местах пустовали, а барсы продолжали свободно бродить по просторам Кулдурака. Это уже задевало профессиональную честь звероловов.

При таких условиях отлов барса решили перенести до очередного большого снегопада. Но до отъезда Нестеров и Мукамбетов решили еще раз навестить одно из угодий, в котором они в свои прежние заезды не раз видели барсов. И охотничье счастье улыбнулось им. В расставленный на пробу капкан в тот же день попался редкий по своей величине шести—семилетний пятнистый красавец барс-самец в зимнем пушистом наряде.

Более часа потратили звероловы, чтобы вытащить из ловушки этого мощного пятидесятикилограммового зверя. При виде людей зверь оглушающе рявкал, скалил клыкастую пасть и угрожающе замахивался на охотников свободной от ловушки когтистой лапой.

Наконец все было закончено удачно. Мощный, увертливый злой барс был посажен в специальный брезентовый мешок. Его доставили на коне до егерского пункта и закрыли на ночь в надежной кладовой.

Дважды охотовед и егерь проверяли в ночную пору, как себя чувствует запертый зверь. Барс был спокоен. А рано по утру зверя в кладовой не обнаружили. Его искали

между различных мешков с продовольствием и фуражом, заглянули под низкие нары. Оттуда мгновенно сверкнули на Нестерова злые кошачьи глаза и раздалось густое басистое рычание. Охотовед не решился ближе подползти к зверю под узкими, низкими нарами.

Оказалось, что, стянув с себя намордник, барс прогрыз мешок, вылез из него и развязал зубами передние лапы. Бороться со зверем лежа под нарами было невозможно. Но невозможно было и выманить барса из-под нар.

Охотоведу и егерю помог случай. Хищник неожиданно повернулся боком и Нестеров, схватив зверя за хвост, потянул его из-под нар. Стоявший наготове с запасным мешком егерь умело накинул его на голову рычащему зверю.

Но мытарства зверолова с барсом на этом не кончились. По пути на Пржевальскую базу сильный зверь вновь сумел сбросить с пасти намордник и пытался вторично освободиться. И все же его, живого, здорового и невредимого, вскоре доставили в Пржевальск.

ГРОЗА В ВЫСОКОГОРЬЕ

Мне приходилось не раз попадать под грозовые проливные весенне-летние дожди. Но гроза, в которую я попал летом 1972 года в горах Кунгей-Алатоо, осталась в моей памяти.

Необычность ее была в том, что она разразилась ниже нас — путников, спускавшихся со скалистого горного перевала. Над нами ярко светило солнце и стояло совершенно безоблачное небо. Под нами же, внизу, как-то внезапно возникла грозная темно-свинцовая туча. Встречный ветер снизу подогнал к ней вторую, третью. И вскоре узенькая горная тропка, проходившая в скалистой местности,

стала затуманиваться, а затем и совсем закрылась перед нами.

Огромные зигзаги молний поминутно вспыхивали в этом сборище туч. И в ответ этим вспышкам гремели потрясающей силы раскаты грома.

Нам казалось, что все это происходит под ногами у нас и вот-вот сейчас вспыхнут травы и лес. Происходило это потому, что мы находились намного выше грозовых туч.

Это было страшное, никогда не виданное мною зрелище разъярившейся грозной стихии. В ущелье, ниже нас, сразу все помрачнело и потемнело, словно его окутали уже поздние сумерки. После одного особенно раскатистого удара грома конь мой, шедший впереди остальных, упал на колени. Я быстро спрыгнул с седла и повел его под уздцы, но он долго еще испуганно всхрапывал и прял ушами. Слезли с коней и попутчики мои — двое чабанов. Не успели мы провести коней и пятьдесят метров, как нас окутало с ног до головы влажное облако. И разразился летний грозовой ливневый дождь.

Мутными ручьями, перемешиваясь с песком, глиной и галькой, стремительно потекли вниз потоки воды. Узенькую горную тропку почти сразу размыло. Кони скользили, спотыкались и испуганно останавливались, нащупывая, куда можно поставить ногу.

За несколько минут такого водяного душа мы промокли до нитки. Но встречный ветер снизу усилился и вскоре отогнал дождевые тучи вверх, к перевалу. Гроза прекратилась.

Свернув коней в еловый лесок, мы попытались собрать хотя бы немного сухостоя для костра, чтобы просушить одежду, но кроме промокших сучьев ничего не нашли.

Через полчаса сначала как-то робко, а затем во весь диск свой выплыло из-за туч высокогорное солнце и лучше костра обсушило нас.

ЗАМЕТКИ О НАБЛЮДЕНИЯХ НАД ПРИРОДОЙ

ОСЕНЬ ГОРНОГО КРАЯ

На дворе осень. Пожелтевшие травы покрываются на утренних зорях уже не живительной росой, а серебром инея, и не звенят больше голоса пернатых певцов. Нет спора, дивно хороша летняя пора в нашей солнечной Киргизии. Но не будем грустить об ушедшем лете. Побеседуем о днях тихой, спокойной и по-своему лучезарной, золотой осени. О ее голубом небе и ласковом солнце.

Какая многообразнейшая гамма красок окружает нас. Полюбуйтесь осенним кленом. Цветом червонного золота, пожаром полыхает желто-оранжевая одежда этого развесистого и еще пышного по осени дерева.

Подойдите к осенней рябине. Щедрая осень явно полюбила эту красавицу и разукрасила ее сочные ягоды в красно-карминный цвет. Подморозьте рябину. Пересыпьте ее сахаром и приготовьте из нее напиток. Угостите друзей и порадуйте их таким прекрасным даром природы.

Посмотрите на развесистый куст барбариса — и рука невольно потянется к иссиня-черным, подернутым нежной пыльцой бусинкам-ягодам. Не сосчитать, сколько их на одном кусте. Тысячи, а может больше? А ведь кустов барбариса в горах множество. В отдельных ущельях заняты ими огромные площади. Ягоды барбариса не только вкусны и питательны. Они насыщены целебными витаминами. Хорошо и полезно было бы пересадить часть таких кустарников поближе к жилью человека.

Еще один ценнейший своими ягодами кустарник — облепиха. Пока ягоды еще неспелые, он и вида-то особого не имеет. Мало того. Даже постараешься обойти его стороной, чтобы не наколоться на острые занозистые шипы. Осенней же порой люб и дорог этот куст, сплошь усыпанный красивыми, яркими янтарно-желтыми плодами. Ягоды облепляют каждую ветку куста. Поэтому-то так метко и назвал его народ — облепихой.

Близко уже ненастное время. И эту сравнительно скорую пору прежде всего чувствуют в природе зверь и птица. Отжировавшись на сытных кормах, залегают в зимнюю спячку сурки. Замерли хлопотливые беспокойные муравейники. Отработали летнюю напряженную страду труженицы-пчелы. Начинает утеплять свое подземное жилище заботливый хозяин — барсук.

Подновляют старые и строят новые конусообразные хатки ондатры. Умелые, заботливые зверьки эти — прекрасные архитекторы. Подумать только — даже стены жилья глиной обмазывают! Тяжел для них зимний подледный образ жизни.

Гуляет пока, набирает жира медведь. И только когда загудят в горах по-настоящему холодные ветры, заляжет он до большого снега в берлогу. Медведица же в самую студеную пору зимы народит в берлоге молодое потомство — одного-двух крошечных медвежат.

Ноябрь — последний месяц уходящей осени. Да, сейчас несомненно холоднее, чем в октябре. Но и в этом месяце предзимней поры нередки в нашей республике добрые, приветливые солнечные дни, сулящие истинному любителю природы немало интересных наблюдений и в поле, и в горах, и на водоемах.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Величава картина горной зимы в Киргизии. Ущелья, поля и леса тянь-шаньских хребтов окутаны снежным покровом. Под тяжелыми белыми шапками пригнулись кустарники. В оцепенении стоят ели, усыпанные инеем.

Безмолвие и какой-то особый зимний покой стоят в заснеженном горном лесу. Лишь изредка пролетит над деревьями голодный ворон да застрекочет чем-то заинтересованная сорока. И снова наступает зимняя тишина.

Случайному путнику все здесь кажется безжизненным. Но для натуралиста, любителя природы, промыслового охотника зимняя пора дает много ценных наблюдений.

Вот дрогнула еловая ветка. Повыше качнулась вторая. По дереву перепархивают малюсенькие буровато-оливковые корольки. Подвесятся к ветке головой вниз, словно акробаты, и что-то клюют, тоненько попискивая. Мелодичные голоса их придают какой-то особый уют зимнему заснеженному пейзажу.

Жизнь животного мира не замирает и зимою. И если не так заметны следы на черной тропе, то сейчас их выдает снежный покров, фиксируя каждый отпечаток следа, каждое действие птицы и зверя.

Снег помогает натуралисту расшифровывать самые сокровенные птичьи и звериные тайны. Снег облегчает промысловому охотнику выслеживать зверей.

Следов же этих очень много. Они на горных полянах и вдоль берегов речек. На скальных площадках и в бурьяне. У нор и среди кустарников. Так, нередко зимою видишь на снегу хитросплетенную азбуку затейливых петель зайца, характерные парные следы горностая и бисерный узор малюсеньких следиков мышей и полевок.

Видишь иногда и круглые большие отпечатки следов хищницы рыси. Если подальше пройти по ним, можно проследить за хитроумными способами охоты этой злой и сильной хищницы.

Среди кустарниковых зарослей узнаешь на снегу по отпечаткам лапок и нескольким оброненным перышкам, что здесь кормилась стайка кекликов.

Тяжело зимою приходится птицам и зверям, когда труднодоступными, а порою и вовсе недоступными становятся их постоянные привычные, излюбленные места кормежек. Особенно тяжело бывает в многоснежные, суровые зимы, когда от вынужденной бескормицы погибает много диких копытных и пушных зверей, и пернатых обитателей.

К сожалению, еще немало наших охотников-любителей, особенно молодых, считает, что птицы, которые не могут пережить нашу зиму, своевременно отлетают на юг, а те, что остаются у нас на зимовку, могут просуществовать самостоятельно, без помощи человека. К тому же считают, что таких птиц немного.

114 видов пернатых из 340 насчитывающихся в угодьях Киргизии круглогодично остаются у нас. Никуда за теплые моря и горные хребты не отлетают от нас на зиму ни фазаны, ни кеклики, ни бородатые куропатки, ни улары, так же как и множество других полезных в лесном и сельском хозяйстве птиц, помогающих человеку очищать леса и поля наши от множества короедов, тли, плодожорок и многочисленных мышевидных грызунов.

Никуда не уходят от нас на зиму в теплые страны ни теке, ни элики, ни архары, ни маралы. Все они — исконные обитатели киргизских угодий. Все эти звери, как и наши ценные птицы, вправе требовать проявления к себе особого внимания со стороны человека.

РЫСЬ

Увидев впервые рысь, трудно поверить, что в этой дикой кошке — постоянной обитательнице гор Киргизии, которая по своей комплекции слабее волка и барса,— заключено столько силы, энергии, хитрости, коварства и злобы.

Киргизские зверовые охотники — барсятники, волчатники,— привыкшие к борьбе с

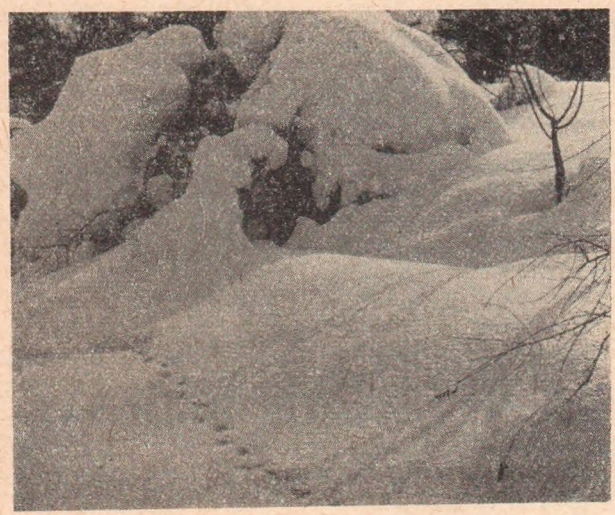
сильными зверями, и те обычно неохотно спускают своих собак на рысь. И уж если спускают, то только хорошо натренированных псов. Рысь широко распространена в нашей горной местности, но она повсюду малочисленна. Поэтому и собаки многих киргизских охотников, не зная вовсе или мало зная повадки рыси, при нападении на нее нередко не умеют правильно защититься ни от ее острых зубов, ни от ее крепких мускулистых лап, вооруженных сильными когтями.

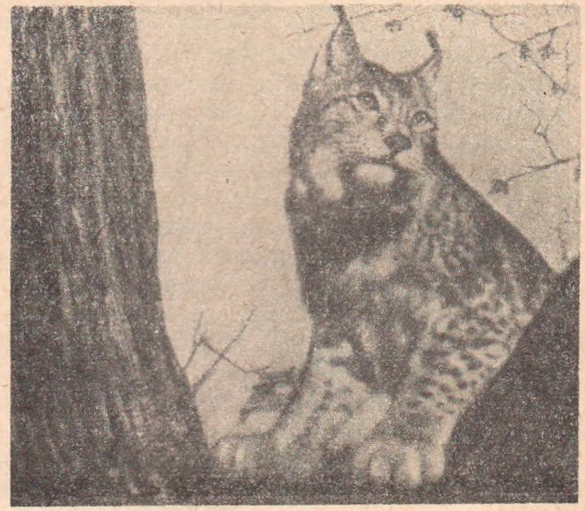
Рысь можно взять надежно только за горло. Молодые собаки, увидевшие рысь впервые в своей жизни, нередко хватают ее за бок, шею, ноги. В таких случаях рысь быстро вырывается и уходит. Если же уйти невозможно, она опрокидывается на спину и поджимает лапы. Когда собака вновь пытается напасть уже сверху, зверь молниеносным броском наносит ей когтистыми лапами рваный, режущий удар по животу, от которого собаки нередко гибнут.

Умеет рысь ловко спасаться от собачьих атак на дереве. Или быстро и искусно затаиваться в непроходимых кустарниках. Осторожный зверь этот ведет преимущественно ночной образ жизни и редко выходит в дневные часы из своего убежища. Благодаря исключительному слуху рысь почти всегда первой примечает человека. И если с охотником нет опытной чутьистой собаки, она совершенно неслышной кошачьей поступью умело и вовремя скрывается.

Не раз приходилось мне встречать в киргизских горах большие, почти круглые следы этой лесной кошки. А когда это случалось в зимнюю пору, я тщательно старался изучить ее след, чтобы по нему расшифровать способы и приемы охоты на зайцев, косуль, кекликов и другую дичь.

С помощью опытных собак удавалось иногда обнаруживать прикрытые ветошью сухих листьев и присыпанные землей или снегом рысьи продуктовые кладовые. Так со-





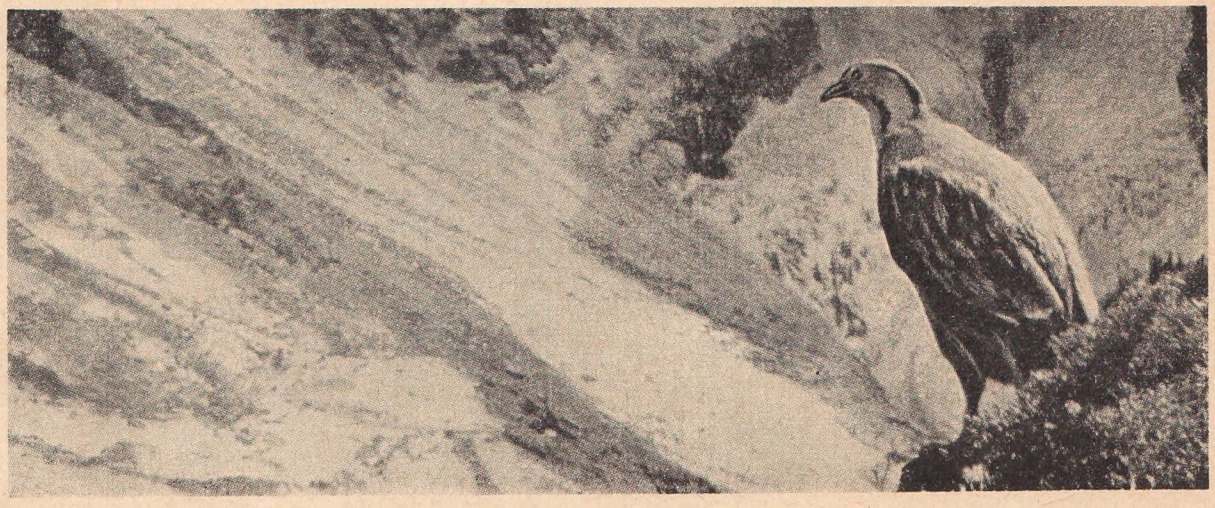
баки обнаружили как-то почти целую еще тушу элика-рогаля. И однажды вытащили запрятанную около ели уже полурастерзанную тушу косули.

Приметив тропку, по которой косули ходят на водопой, рысь затаивается. Устроившись в надежной засаде, хищница часами неподвижно, терпеливо караулит добычу. Осторожно продвигаются к водопою косули. Ни одна веточка не хрустнет под их ногами. Кажется, совершенно не слышно ступают по влажной лесной земле их маленькие, узенькие сердцевидные копытца. Но приподнятые кверху чуткие уши рыси, точно локаторы, уже давно уловили движение животных. Прижавшись к сучку ели, зверь напряженно слушает. Ждет. Косули часто останавливаются, прислушиваются. Ничто не нарушает тишину леса, и животные спокойно начинают приближаться к коварной засаде. И тогда с дерева на спину одного из животных сваливается страшная, тяжелая 20—30-килограммовая туша зверя... В паническом страхе мечется несчастное животное, стараясь сбросить врага со спины. Но трудно спастись косуле от острых, как игла, когтистых лап. «Оседлав» жертву, рысь будет сидеть на ней, пока не перегрызет кровеносные шейные сосуды. Потом голодный зверь рванет несколько кусков теплого мяса, а остатки туши бросит. Иногда и прикроет прошлогодней лесной ветошью.

Немало бед могут натворить в охотничьем хозяйстве рыси. С их появлением все больше, все заметнее начнут убавляться кеклики, бородатые куропатки, тетерева, зайцы и молодняк диких копытных животных.

ПТИЦЫ ВЫСОКОГОРЬЯ — УЛАРЫ

Тишина в горном ущелье... И вдруг до слуха долетает мелодичный свист, несколько схожий со звуками далекой флейты. Невольно останавливаешь коня и подолгу



слушаешь эту своеобразную горную музыку. Так перекликаются между собой улары — горные индейки.

Услышав перекличку уларов, не надейтесь, что вы сейчас же приметите самых чутких и осторожных птиц. Окраска оперения их помогает уларам искусно маскироваться и затаиваться в скалистой местности.

С гордой осанкой стоит улар на выступе каменного утеса. И серовато-коричневое с желтоватыми оттенками и темными пятнами оперение его переливается под бликами горного солнца.

Свободолюбивая птица эта трудно переносит неволю.

Улары часто кормятся по соседству с горными козлами — козерогами. Это своеобразное содружество в природе объясняется тем, что улары, обладая острым зрением и очень чутким слухом, почти всегда первыми замечают опасность и своим тревожным свистом или неожиданным, резким взлетом всей стаи предупреждают козерогов о появлении врага. Козероги, раскапывая мощными копытами толстый наст снега, тоже облегчают уларам добычу труднодоступной для них в зимнюю пору пищи.

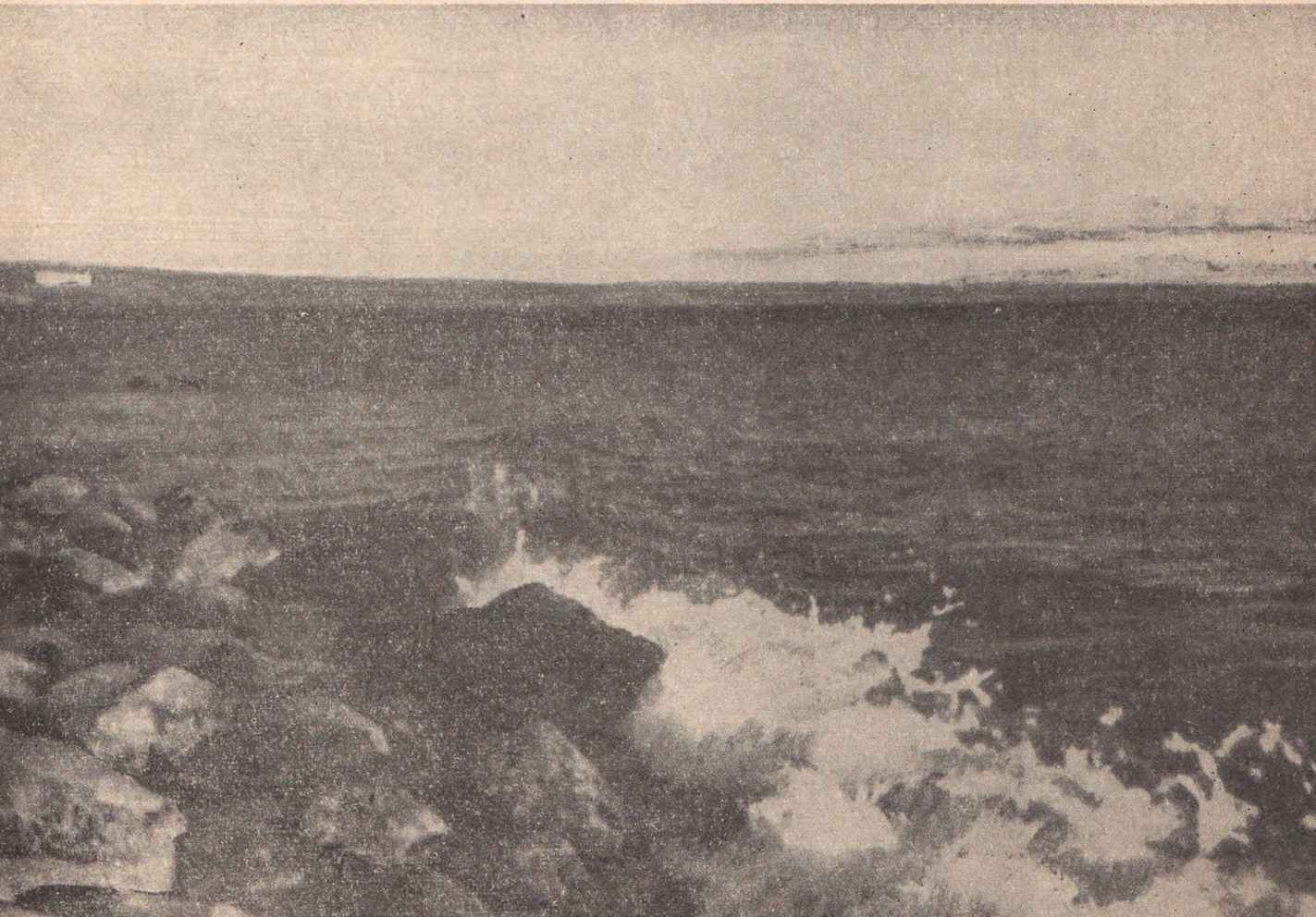
Чаще всего улары встречаются по хребтам Кунгей- и Терскей-Алатоо, особенно в зоне Тонских и Покровских сыртов Прииссык-кулья и в Центральном Тянь-Шане. Труден путь к скалам киргизских гор. Еще труднее вести наблюдение за уларами — очень чуткими птицами. Нелегко и фотографировать их на доступном для фотоаппарата расстоянии. Очень интересна, заманчива, но и весьма нелегка спортивная охота на этих птиц.

Со своих обжитых родных и привычных мест улары спускаются лишь в двух случаях: при спаривании и яйцекладке и в зимнюю пору при глубоких снегопадах. При яйцекладке гнездовья их размещаются обычно на высоте от 1,8 до 2,5 тысячи метров. Но самки с подрастающими выводками уже с августа переселяются в свои родные места, а самцы и того раньше. Свои гнезда улары строят то под защитой больших нависших камней, то среди горных кустарников и нередко в зарослях стелющегося арчевника. В гнездах насчитывается 10—12 яиц, но встречается и 15. Массовое появление птенцов, как правило, проходит в мае. К октябрю молодняк уже догоняет в росте взрослых птиц.

Улар — ценная птица киргизского высокогорья. Добыть взрослого упитанного улара весом в 2,5—3 килограмма — мечта каждого охотника-спортсмена. Дичное мясо улара в сезон охоты нежно, вкусно, питательно. Но и требования к этой спортивной охоте предъявляются немалые: охотник должен обладать крепким здоровьем, иметь большую закалку и безусловную натренированность в хождении по скалистой местности, уметь безошибочно ориентироваться в скалах.

Не следует увлекаться пересвистыванием уларов. Они почти всегда кажутся близкими, будто бы птицы «переговариваются» рядом с тобой. А когда поторопишься спугнуть всю стайку, свист вдруг неожиданно раздается намного выше или ниже. Так неопытный следопыт может проходить за уларами бесцельно весь день и не увидеть вблизи эту птицу.

В ЗАПОВЕДНЫХ УГОДЬЯХ



ПЕРНАТЫЕ ЗИМОВЩИКИ

Десятки тысяч водоплавающих птиц пролетают каждую весну через Иссык-Кульскую котловину, устремляясь на гнездовья в Чуйскую долину, Казахстан и Западную Сибирь. В осеннюю пору возвращаясь на юг, птичьи караваны вновь держат путь через эти места. Для перелетных птиц озеро Иссык-Куль — это станция отдыха, расположенная на пути пролета кормовая база и незамерзающая зимовка.

С наступившим зимним временем на обширнейшем водном бассейне Иссык-Куля, площадь зеркала которого составляет более 6 тысяч квадратных километров, находят радушный прием, пищу и спокойную охраняемую людьми зимовку около 60—80 тысяч одних только водоплавающих птиц, представляющих до 18 различных видов.

В наиболее излюбленных, обильных пищей кормовых местах здесь всю зиму можно видеть белоснежных красавцев лебедей — шипуна и кликуна, кряковых уток, быстрокрылых чирков, свистунка и трескунка, гоголей, крохалей, свиязей, шилохвосток, широконосок, черно-вороненных лысух, серых уток и особенно большие стаи рыжевато-коричневого окраса крупных красноносых нырков, пролетные стаи серого гуся. В небольшом количестве зимуют и горные индийские гуси — птицы, редкие в Советском Союзе.

Запоминается своей суровой первобытной красотой и пейзаж Иссык-Кульского побережья, когда блестками серебристого инея покрыты его развесистые кустарники и пригнутые морозом метелки тростника, когда окружающие Иссык-Куль горные хребты Кунгей- и Терскей-Алатоо высятся над озером белыми заснеженными гигантами. И как удивительный контраст этому заснеженному пейзажу остается лазурно-синей только огромная водная гладь озера. И в ней, так же как и в летнюю пору, отражаются солнечные блики и малейшие оттенки неба.

...Медленно начинается зимний рассвет. Еле заметно исчезают с озера ночные тени. И только тогда, когда из-за гигантских горных хребтов появится яркий шар солнца, по-настоящему просыпается и оживает это чудесное озеро и на водной глади его вспыхивают все цвета радуги...

Вскоре (в период зимнего учета птиц) в бинокль обнаруживается первая лебяжья стая. Катер круто разворачивается, заглушенным мотором приближается к птицам. А когда уже простым глазом можно сосчитать их, лебеди не выдерживают такого напряженного испытания и грузно поднимаются с водоема.

...К крупным стаям, до 300 голов и больше, черно-вороненных лысух катер подходит почти вплотную. Зажиревшие птицы, перед тем как подняться, долго убегают «пешком», семеня лапками по воде.

Спокойно жируют птицы в штилевую погоду. Но не всегда, особенно в зимнюю пору, бывает спокойным киргизское море. Прорвавшись на просторы Иссык-Кульской котловины, два господствующих здесь ветра — санташ с востока и улан с запада — случается, сталкиваются друг с другом. И тогда необозримая гладь озера начинает клокотать и кипеть, словно огромный бурлящий котел. Начинается шторм... Пенистая, седая зимняя волна высоко вздымается над морем, со свистящим от ветра гулом и рокотом выплескивается на песчаные пляжи и с шумом разбивается о прибрежные камни.

Страшный, грозный в такую непогоду Иссык-Куль. Берега и горизонт становятся неразличимыми. Все пернатые зимовщики тревожно поднимаются на крыло и ищут ук-

рытия за высокой стеной тростников и зарослями облепихи в набережных лиманах. Часть птиц спасается в сравнительно тихих озерных затонах.

Но кончается непогода. Снова ласково светит солнце. И на просторе озера, словно живые плавучие островки, вновь ритмично покачиваются многочисленные птичьи стаи.

Весною пернатые гости-зимовщики отлетают с Иссык-Куля на свои постоянные гнездовья, чтобы поздней осенью вернуться сюда на зимовку с молодым потомством.

АПРЕЛЬ НА ИССЫК-КУЛЕ

Только что одна за другой начали меркнуть предрассветные звезды. Утренняя заря еще не наступила полностью и с огромного водоема Иссык-Куля еще не совсем развеялись ночные тени.

В этот тихий зоревый час ласково убаюканное озеро не может стряхнуть с себя предрассветную дрему. Но как только ярко заалеет восточная часть неба и утренние лучи солнца осветят ледниковые громады гор и побережье, в один миг оживает огромное озеро-море и на водной глади его сразу вспыхивают всеми цветами радуги чудесные краски.

Наступил апрель — яркий, солнечный и уже сравнительно теплый месяц весенней поры. Уже полностью ожила от зимнего оцепенения природа. На деревьях и кустарниках начали набухать почки. Уже много пернатых гостей прилетело на родные гнездовья с мест своих далеких зимовок.

На кустарниках облепихи упоительной весенней песней развлекают скворцы своих подруг. На луговых и торфяных болотах побережья колониями расселяются гнездовать всегда беспокойные и крикливые чибисы. И теперь в быстрых кувыркающих воздушных полетах празднуют они свои свадебные игры. Из зарослей облепихи, с лиманов и болот, разросшихся осокой, с полей побережья, с водной полосы самого озера разносится то нежное щебетанье, то тоненькое попискиванье, то громкое кряканье уток и цоканье фазанов.

...В раннее апрельское утро шел я понаблюдать за птичьим миром. На озере стоял полный штиль, и потому невольно казалось, будто полностью замерла вся зеркальная гладь его. Тихо в это раннее утро. Но внезапно, рассекая предутреннюю тишину, с соседнего поля азартно «ударил» утреннюю песнь перепел и, словно откликаясь ему, в зарослях тростника громко, призывно начали цокать фазаны, приглашая подруг своих на токовые игрища. Не раз удалось подсмотреть крякового селезня в ярком весеннем наряде, галантно ухаживающего за своей скромной серой уточкой. Она кокетничала и коварно отплывала от него. Поведение этих птиц было естественным проявлением брачной игры.

Над одним из луговых болот самцы-бекасы демонстрировали в воздухе перед самочками свои виртуозно-искусные пируэты. С резкими криками они быстро и высоко взлетали в воздух и, помедлив на предельной точке полета долю секунды, круто и резко пикировали на землю перед зачарованными их игрою подругами. И подруги, высоко оценивая искусство и прелесть такой игры, одаривали их своим особым вниманием.

Вдоволь набродившись за день, я с удовольствием подходил в вечерние часы передохнуть к самому озеру, чтобы послушать успокоительную музыку его вечернего прибоя. И вновь, и вновь наблюдал, как уже на вечернем куполе неба зажигались яркие звезды. И как в наступавшей тишине изредка всплескивала на водоеме заигравшая рыба и где-то далеко, далеко мерцал рыбачий костер...

ЩЕДРОСТЬ ПРИРОДЫ

Джеты-Огузское ущелье... Оно прежде всего и больше всего широко известно в Киргизии, да и за пределами республики, как ценнейший курорт с целебными радоновыми источниками.

Но не только целебными водами славится эта местность. Щедрая природа киргизской земли наградила Джеты-Огузское ущелье и его окрестности богатой разнообразной растительностью и ценной фауной.

Для сохранения этого природного богатства и развития его вся территория Джеты-Огузских угодий — 35,5 тысячи гектаров — объявлена с 1958 г. заповедником, в настоящее время находящимся на правах высокогорного охотничьего участка в ведении Иссык-Кульского государственного охотничьего заповедника.

Из пушных зверей обитает здесь каменная куница — обладательница красивого дорогого меха. Немало сурков, не редки горностай и ласка. Нагуливают здесь жир приземистые барсуки. Ценным пушным зверьком горных лесов является акклиматизированная белка-телеутка.

Из хищников — семиреченская рысь и очень ценный снежный барс-ирбис, бурый тянь-шаньский белокоготный медведь. Наблюдатели заповедника и лесники встречают порой то медведицу с детенышами, то одиноких зверей — взрослых и молодых.

Ценные охотничьи птицы — фазан, кеклик, бородатая куропатка, тетерев-косач, улар — все они постоянные обитатели местных угодий.

На летние гнездовья прилетают скворцы, пеночки, славки, соловьи, иволги, трясогузки, черный дрозд, горлицы, лесные голуби-вяхири, ласточки, стрижи, кукушки.

С весны до середины лета не умолкает в здешних лесах и кустарниках разноголосый птичий гомон.

Не замирают здешние угодья и в зимнюю пору. С ветки на ветку перепархивают в поисках пищи крохотные корольки, синицы. Стучит по сухостойным деревьям врачеватель леса — дятел.

Трудоемка и многообразна работа охотоведа и егеря. Постоянные объезды. Нелегкие горные маршруты. Уже с начала лета здесь готовятся к зиме. Для подкормки эликов и теке заготовляется горное сено. Выкладываются искусственные солонцы.

Был я здесь в последний раз в пору золотой осени, когда в горах стояли чудесные красные дни. Солнце уже не сильно палило, но в дневные часы еще подтаивали ледники и утренняя прозрачная вода в реке Джеты-Огуз к вечеру бурлила и клокотала, разливаясь уже мутно-глинистым потоком.

В субальпийской полосе еще зеленели горные поляны. Шла заготовка душистого сена. Краснела, наливаясь живительным соком, рябина. Кустарники барбариса и облепихи стояли унизанные бусинками кисловато-терпких ягод.

...В один из таких ярких осенних дней выехали мы с егерем в далекий маршрут. Уже пройденными остались урочища Уч-Булак, Кок-Секе, Арчалы-Тер и Ат-Джайлоо. Впереди остался последний пункт самого трудного участка маршрута — скалистый пояс альпийских угодий. Здесь на много километров вокруг простираются излюбленные и почти постоянные места обитания снежных барсов, уларов и огромных бородачей-ягнятников.

От егерского домика в зоне курорта до верхней границы леса и выше, среди арчевников и скалистого пояса, на всем пути своего маршрута мы дважды вспугивали свиноматок с поросятами, встречали лисиц. На каменистых увалах поднимали на крыло выводки кекликов. Видели много молоди в сурковых колониях. На скальных площадках наблюдали на зорях табунки самок теке с

нынешними козлятами и двух-трехлетним молодняком.

Отрадно и радостно было видеть обширные угодья, где птица и зверь, охраняемые человеком, чувствуют себя привольно. Где рачительно, по-хозяйски, берегут люди природу и заботятся о ее ценных четвероногих и пернатых обитателях.

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ — ЭТО СОВА

Гнезда многих видов сов я обнаруживал не раз, но гнездо ушастой совы никак не удавалось мне увидеть.

И вот, проходя как-то лесной опушкой по Чон-Кеминскому ущелью и залюбовавшись развесистой рябиной, я невольно обратил внимание, что на одной из крупных веток этого дерева сидели рядышком четверо почти взрослых совят. Прижавшись друг к другу, молодые птенцы, вероятно, дремали — они были до того неподвижны, что издали было трудно признать их за живые существа.

Но стоило мне раздвинуть кустарник, скрывавший меня, как все совята сразу ожили и, словно по команде, мгновенно повернули свои ушастые головы в мою сторону. Их большие, почти круглые желтые глаза, не мигая, стали с любопытством рассматривать меня — неведомого им пришельца.

Участок елового леса, в котором я обнаружил эту совиную семейку, располагался на таком крутом горном скате, что в него редко кто заходил.

Вероятно, поэтому совята, увидев впервые в своих угодьях человека, не испугались меня. Ни одна из молодых птиц не шелохнулась и не переменила позы даже тогда, когда я приблизился к ним почти на расстояние вытянутой руки. Только ярче заблестели их пристальные немигающие глаза.

Чтобы не спугнуть совят, я стоял неподвижно. Одно удивляло меня: их наивная доверчивость и несмышленность. Как, подумалось мне, мать не научила их, почти взрослых, реагировать на опасность и не развила защитного инстинкта самообороны.

Но безнадзорность птенцов и их наивность оказались далеко не такими, как мне думалось. Пока я так руссуждал, кто-то неведомый мне внезапно и громко защелкал клювом на старой ели, росшей неподалеку от рябины. И над совятами появилась с распростертыми крыльями обеспокоенная сова. Вероятно она только что подлетела к гнезду и, увидев беспечных питомцев своих рядом с человеком, забеспокоилась.

Пролетев над моей головой и чуть не задев крыльями, она еще громче защелкала клювом и, круто свернув, стремительно метнулась в сторону старой ели.

Совята вмиг встрепенулись и устремились за матерью. Но летели они еще очень слабо, неуверенно.

Много старых елей на этом участке леса прощупал я биноклем, но ни дупла, ни наружного гнезда не обнаружил. И тогда вместе с очень опытным и энергичным егерем Кеминского района Николаем Ивановичем Рыжих решили мы выйти на лесной участок вечером и, если понадобится, задержаться там до утра. Расчет наш был прост. Мы знали, что ушастая сова охотится и приносит корм птенцам только в ночную пору и, подлетая к гнезду, обычно подает свой голос, а голодные нетерпеливые совята громко откликаются. Такая перекличка несомненно помогла бы нам найти гнездо.

И мы не ошиблись. Как только ночные сумерки густо окутали лес, со старой ели раздался характерный совиный крик: «Угу-у, гу»,— зычно прокричала взрослая птица. И в ответ на ее сигналы раздались нетерпеливые голоса совят.

Такая перекличка повторялась несколько раз в ночи и смолкла только на рассвете. Утром без особого труда гнездо было найдено.

У дупла старой ели, замаскированного ветками лапника, сидели два совенка, но, заметив нас, быстро юркнули в дупло.

Только через три дня гнездо окончательно покинули первые двое совят, и еще через пятеро суток почти один за другим вылетели остальные, меньшие ростом совята.

В следующий раз удалось мне попасть в Кемин только зимою. В день моего приезда к егерю разбушевался сильный буран. Под напором ветра гнулись, скрипели могучие ели. Взвихривающий слепящий снегопад в одну ночь засыпал белыми глыбами все ущелье. К утру метель успокоилась. Стоял чудесный морозный солнечный зимний день. И мне как-то невольно вспомнился совершенно иной — июньский пейзаж и тот участок зеленого леса, где мы наблюдали за совами.

— Встречали ли вы, Николай Степанович, сов наших после моего отъезда? — задал я вопрос егерю.

— Встречал. Но были ли это знакомые нам бывшие совята или другие птицы — сказать не могу. Все они здесь у меня ушастые, все серые,— улыбаясь, ответил Николай Степанович.

Днем добрались мы до знакомого участка леса, и в нем стали свидетелями интересного происшествия. Неподалеку от одной из старых елей на снегу металась какая-то птица. Она пыталась подняться на крыло, но сразу же беспомощно опускалась. Егерь без труда поймал ее.

Это была взрослая ушастая сова. И, конечно, никто не мог сказать: была ли это наша старая знакомая или другая сова, залетевшая в этот лес. Очевидно было одно: птица крайне истощена, а может быть и ранена. Но голова, крылья, грудь и спина ее оказались целыми.

Нарезав в избе несколько кусочков сырого мяса, Николай Иванович положил их перед совой в уголок комнаты, где мы ее приютили. Но, дичась людей или от слабости, птица совершенно не реагировала на еду. Три дня пришлось кормить ее насильно и только на четвертые сутки мясные кусочки, оставленные в уголке, сова уже съела самостоятельно и быстро начала набираться сил. Сытное регулярное питание, надлежащий уход и постоянная ласка сделали свое дело. Пернатая квартирантка егеря благополучно перезимовала в избе.

С началом весны Николай Степанович решил выпустить ее на волю. Но сова не полетела в лес, а всю ночь просидела на ели около избы егеря. Утром егерь не вытерпел и позвал ее. Сова встрепенулась, завертела головой, но осталась на дереве. И когда Николай Степанович окликнул ее вторично, она с размаха влетела в избу.

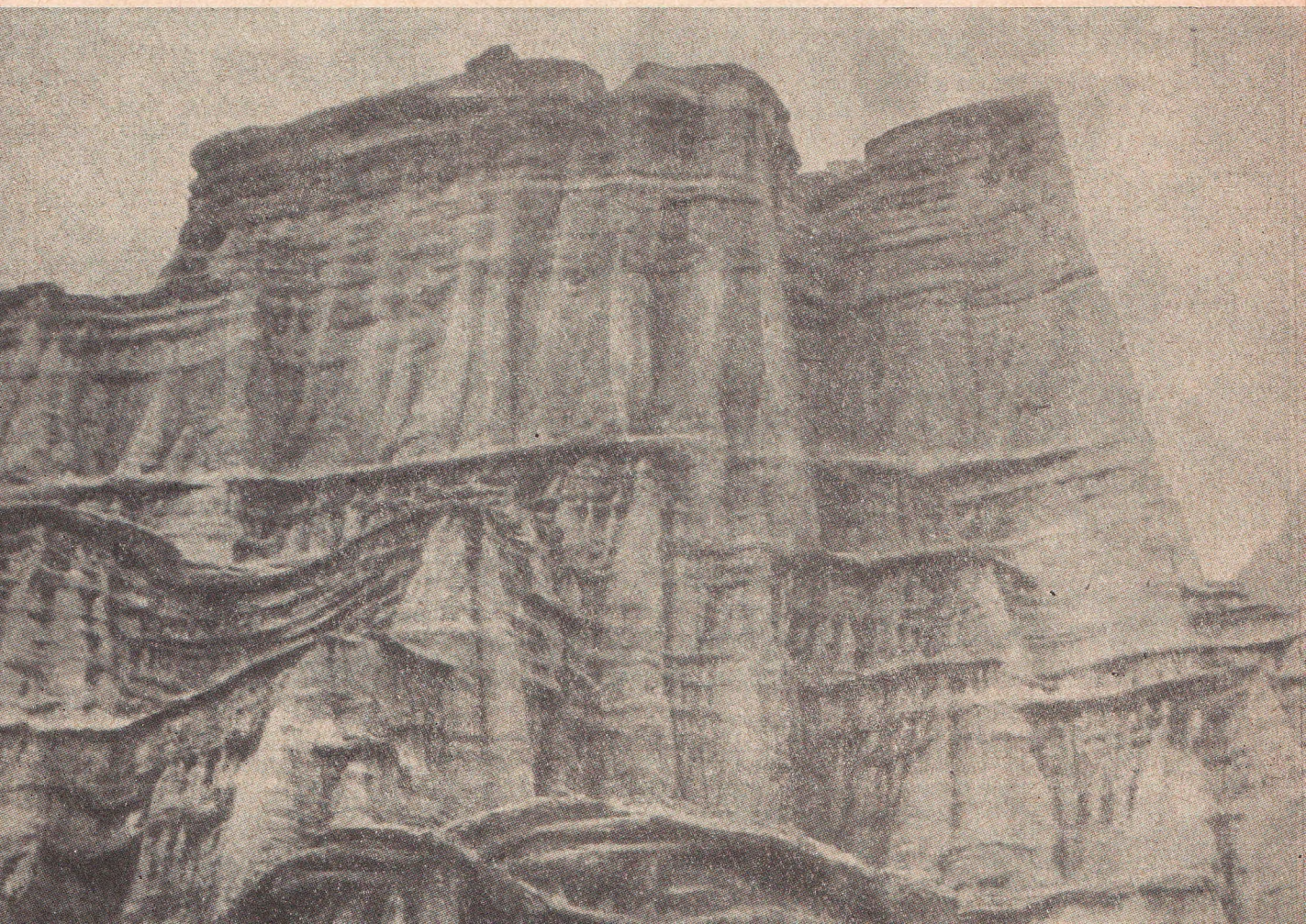
Ежедневные вылеты ее на волю продолжались около десяти дней. И почти каждый день совсем ручная птица эта на рассвете прилетала обратно к квартире Николая Степановича, усаживалась на ель и подавала свои позывные.

Плотно и неторопливо закусив, она оставалась в избе и дремала или вновь устраивалась на елке у окна. В лес же вылетала только в вечерние сумеречные часы. Сова окрепла и стала сильной и бодрой птицей.

...Март все сильнее и шире наступал на ущелье и еловые леса. В дневную пору заметно потеплело. В один из таких погожих дней так привыкшая к человеку и хорошо знавшая свою кличку сова не вернулась больше из своего родного леса.

Погоревал Николай Степанович, но ни в чем не обвинил полюбившуюся ему совку. А в один из мартовских вечеров, проходя лесом, увидел он оживленную брачную игру двух сов. Тогда он понял, что птица эта уже никогда не вернется к нему.

ГОРНЫЕ ТАЙНЫ



ПОД РАЗВЕСИСТОЙ ЕЛЬЮ

Крохотный мараленок родился в ранний час утренней майской зари. В час, еще очень прохладный в высокогорном лесу, который в эту пору суток окутан предрассветным туманом.

Место, выбранное маралухой для рождения детеныша — под мощной развесистой елью,— было очень удачным. Оно защищало малыша от посторонних глаз. Ночью под такой елью было тепло. В дневную пору сюда не проникали прямые лучи высокогорного обжигающего солнца.

Опытная и уже матерая по своему возрасту маралуха, взрастившая за свою жизнь четырех маралят, была умелая и предусмотрительная мать. Она уже за месяц до предстоящих родов несколько раз наведывалась в ту самую густую и отдаленную часть горного елового леса, где спокойно рожала последние две весны благополучно выросших питомцев. Она не раз уже проверяла, не устроили ли в избранном ею участке свое логово волки. Часты или вовсе отсутствуют в этом лесу норы коварных и хитрых лисиц. Не гнездится ли постоянно ночной пернатый разбойник — когтистый филин и не устраивают ли в дуплах старых елей своего пристанища злые и верткие дикие лесные кошки. Все эти тайные и явные враги не были особенно страшны ей самой, но представляли немалую опасность для будущего крохотного детеныша.

...Только что родившийся совсем еще крохотный мараленок попытался встать на свои трясущиеся хрупкие ноги, но заботливая мать сразу же уложила его рядом с собой и теплым немного шершавым языком облизала его нежную коротенькую шерстку. Только после этого она придвинула его голову к набухшему от молока вымени. Аппетитно и жадно причмокивая, малыш попробовал теплое, густое, самое вкусное и питательное для него материнское молоко. Сделав несколько глотков, он быстро насытился и вскоре уснул. А когда просыпался, начинал искать вымя матери, тыкаясь в него влажным носом.

Только через сутки маралуха оставила его одного. Устроив под елкой во мху небольшую овальную ямку и уложив в нее своего малыша, она поднялась на ноги. Истомленная жаждой, неслышной поступью вышла она в лес к ручейку. И вволю напившись, перешла на кормовую площадку.

Первые три-четыре дня только на утренних и вечерних зорях навещала она своего питомца, чтобы покормить его. Свою же лежку оборудовала поблизости, на таком расстоянии, с которого могла услышать первый же призывный зов детеныша.

Наконец в жизни мараленка наступил знаменательный день. Впервые мать вывела его на прогулку. И тогда новый и заманчивый мир открылся перед изумленными глазами малыша. Все, что он видел, было совершенно неведанным для него. Все интересовало его. Многое и пугало. Со всех ног кинулся он к матери, услышав шумно загремевший большой камень, скатившийся со скалы. Испугался мараленок и горного ручья. Сначала он смело ступил в воду, но вмиг застудил ноги и мгновенно повернул обратно.

С каждым выходом удлинялся маршрут. Но мараленок все же был еще очень наивен, беспомощен и боязливо шарахался то от внезапного взлета бабочки, то от шороха и писка в траве мышей или, остановившись, с пытливым недоумением рассматривал в траве какого-нибудь жука.

Однажды в еловом лесу маралуха наткнулась на жилую лисью нору. Лисицы, кормящие детенышей, были почти всегда голодны и поэтому очень тщательно и настойчиво выслеживали таких крохотных сосунков, как ее малыш. Встревоженная, она сразу же

подозвала своего питомца к себе и не отпускала его, пока не вышла из леса. Но больше всего по-настоящему взволновали маралуху людские голоса и собачий лай. Она на всю жизнь хорошо усвоила эти звуки, когда случайно попала под жестокий обстрел браконьеров. С той поры уже больше года чувствовала она, как после горных переходов у нее начинает резко ломить раненое плечо.

Она решила увести мараленка в более глухое безопасное место. И вскоре повела его в верховья гор. Нелегок был этот маршрут для маленького мараленка. Мать устраивала для него длительные передышки. Наконец она подошла к верхней границе лесов. За ними уже расстилались альпийские луга, а еще выше — полоса скал и снежников. Маралуха сразу направилась к знакомому ей сытному травянистому угодью, где она отлично знала и кормовые места, и надежные укрытия.

У мараленка началась новая жизнь. Мать постепенно прививала ему навыки: как нужно умело затаиваться от врага, как незаметно и быстро уходить от него. Она показывала своему питомцу, как, в случае необходимости, нужно пересекать коварные горные реки. Где и как умело находить съедобную сытную траву, знать солончаки, места скрытого водопоя и надежные дневные лежки.

Так врожденный инстинкт к восприятию и познанию основных правил существования и поведения, создающих благополучие каждого зверя, как и наглядная учеба матери, вырабатывали в подрастающем мараленке самостоятельность.

Он уже неплохо знал к концу лета, кого и чего нужно бояться. Знал, где для утоления голода можно найти пищу. Знал, что при встрече с другими дикими животными нужно быть всегда осторожным.

К концу осени он почти догнал в росте мать и вскоре перешел на самостоятельное существование. Все чужое и незнакомое ему, недавно еще крохотному, а теперь почти взрослому, стало понятным и близким.

У ГНЕЗДА БОРОДАЧЕЙ-ЯГНЯТНИКОВ

Это обжитое массивное гнездо и около него семейную пару старых бородачей-ягнятников приметил я в верховьях урочища Мин-Теке.

Стояла майская пора. В утренний зоревый час глубоким сном еще спало огромное царство скал. И только тогда, когда из-за отрогов Терскей-Алатоо показался ослепительно яркий диск солнца, начали оживляться альпийские луга, леса, арчевники и мрачные скалы этого урочища.

Первыми проснулись улары. Раздались их мелодичные пересвисты. Им откликнулись захлебывающим верещанием соседи-сурки. И, крутясь в воздухе, заиграла в веселом перезвоне стайка угольно-черных альпийских галок.

Вот в это-то время в углублении крутостенной скалы мы и приметили гнездо бородачей-ягнятников — огромный ворох из веток арчевника и елей. На выступе скалы, рядом с гнездом, неподвижно сидела вплотную друг к другу семейная пара очень крупных птиц.

Они не пошелохнулись, когда наступило утро, не выражая никакого беспокойства, что сравнительно неподалеку от них была расположена чабанья палатка. Удивляло нас и то, что даже дымок от нашего костра, относимый ветерком в их сторону, не спугнул этих, казалось, ко всему равнодушных птиц. Издали их можно было принять за какие-то причудливые каменные изваяния.

— Нам кок-джоры [1] не нужны. Овец они не воруют. И мы их не трогаем, не беспоко-

[1] Киргизское название бородачей.

им. Вот потому птицы эти и привыкли к нам,— пояснил чабан Канимет Ишманкулов.

Он увидел это гнездо пятнадцать лет назад. С этой поры оно никогда не пустовало в летнее время. Но занимали ли его постоянно одни и те же хозяева или ими становились более молодые птенцы — он не знал.

Спутник мой — молодой ленинградский зоолог, впервые попавший в высокогорье Киргизии,— уговаривал меня добраться до гнезда бородачей и сфотографировать его крупным планом. Но скала была так крута, что забираться по ней без страховки канатами и скалоруба было совершенно невозможно.

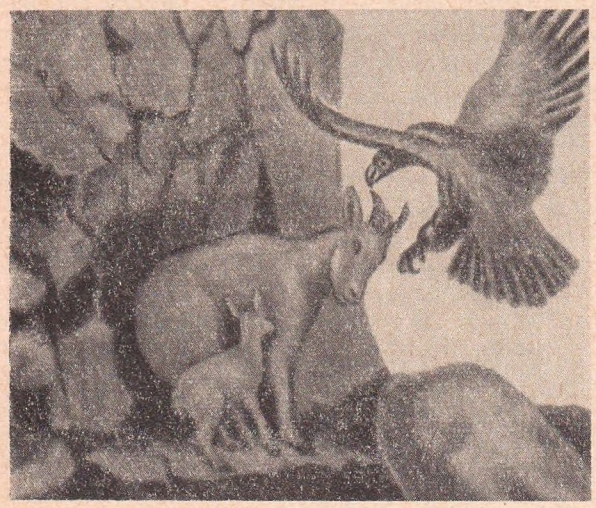
...В зоне альпийского пояса киргизских гор, где хребты то и дело окутываются плотным туманом, где даже в самые жаркие месяцы лета многочисленны снежные пятна, а зимой свирепствуют страшные бураны, в этих суровых местах высокогорья обитают труднодоступные бородачи-ягнятники.

У нас в Киргизии не так уж часто попадается на глаза человеку эта птица с глинисто-белой грудью, темными крыльями и такой же расцветки длинным клиновидным хвостом.

Еще реже можно обнаружить на неприступных скалах, у линии вечных снегов гнездо ягнятника, сконструированное из веток арчевника и елей до метра в поперечнике, с небольшим лотком, устланным пухом и шерстью горных козлов-козерогов и баранов.

Уже с марта, когда в высокогорье киргизских хребтов еще часты снегопады, вьюги и постоянен мороз, самка, поочередно с самцом, уже сидит на гнезде. Примерно через 55 дней из единственного яйца, отложенного в гнезде, проклевывается долгожданный пуховый птенец.

...С той поры, как мы увидели гнездо в Мин-Теке впервые, прошло два года. И снова в майскую пору пришлось мне заночевать в урочище Мин-Теке, под той же скалой, на которой гнездились бородачи. Гнездо их было по-прежнему на месте. И только стало как-будто массивнее, грузнее. В гнезде



родители пестовали подрастающего птенца. Семейная пара уже не сидела подолгу рядком, не бездельничала, а с утра до вечера была занята розысками и добычей пищи своему питомцу.

Долго наблюдал я, как подрастающий прожорливый и ненасытный птенец жадно заглатывал принесенную ему пищу. И уже вскоре вновь настойчиво требовал добавки.

...Через пять лет после первых двух посещений урочища Мин-Теке охотоведческие дела заставили меня в третий раз побывать здесь.

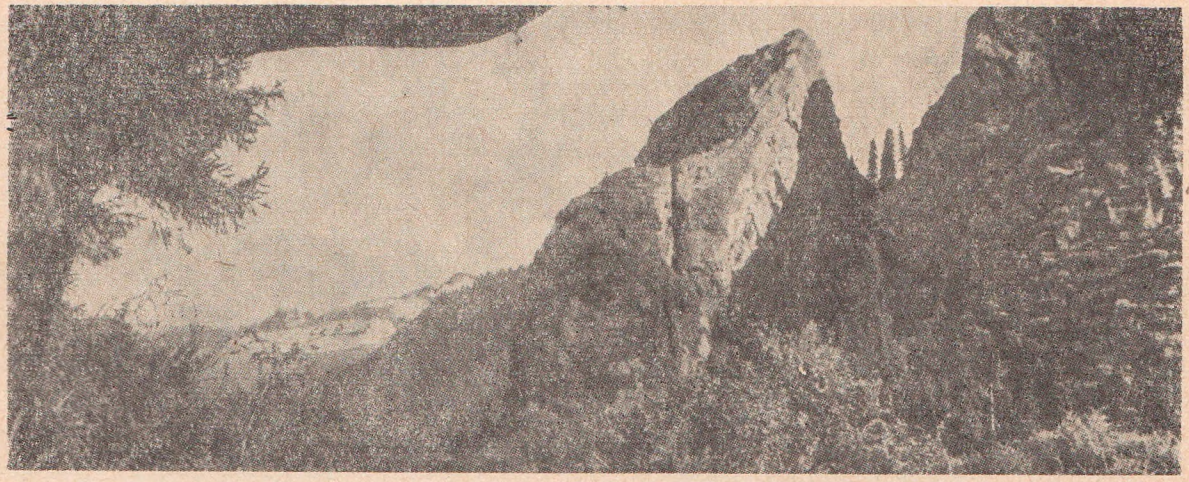
Выехали мы с егерем проверить состояние стада козерогов на их зимних пастбищах. В урочище Мин-Теке их всегда было много. С постоянных мест обитания они спускались лишь вынужденно в период сильных снегопадов и, доходя до границы еловых лесов, располагались на пастбищах южных склонов гор. Эти угодья мы и хотели осмотреть.

Ведя коней на поводу, мы уже подходили к перевальной точке, как впереди нас тяжело поднялись на крыло два старых бородача-ягнятника. «Чем же они здесь кормились зимою?» — подумал я, подойдя к месту, откуда поднялись птицы. Мы увидели на снегу большие рога, кости и еще свежие, местами вмятые в снег, окровавленные клочья шкуры теке. Снег около растерзанного животного был истоптан волками.

Немало бед натворила здесь волчья стая. Хищники покинули угодья только тогда, когда трое из них были убиты срочно командированной туда бригадой охотников. Напуганные стада теке ушли с этих сытных и обычно спокойных пастбищ и вновь собрались в своих постоянных, хорошо обжитых родных угодьях в верховьях урочища. Там еще долго стояли морозы и бушевали метели. Было очень трудно добывать корм, но животные чувствовали себя в безопасности.

...Снежные бураны запорошили вскоре следы волчьего разбоя, свидетелями которого была лишь пара старых бородачей-ягнятников, чью трапезу мы нарушили на перевале.

Горы умеют крепко хранить свои тайны.



КАК СОРОКИ И ВОРОНЫ ВЫДАЛИ ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО

Стояла середина апреля. Низовья гор были уже одеты свежим зеленым травостоем. В альпийской зоне все больше и больше появлялось оттаявших от снега площадок. Грязно-бурые, ноздреватые пятна его оставались лишь в глубине балок, в лесу, да кое-где не оттаяли на северных склонах ущелья.

С егерем Николаем Степановичем Рыжих поднимались мы на верховых конях по Барскаунскому ущелью. У опушки елового леса выпасалась большая отара овец. Отгоняя наседавших на нас сторожевых собак, подошел чабан. Поздоровались. Побеседовали, как велит обычай гор. На мой вопрос, не тревожат ли отару волки, чабан ответил, что с февраля не примечал здесь ни одного хищника. Тогда была в этих местах волчья стая. Дважды отбивал он с собаками ее разбойничьи налеты, а теперь вот уже два месяца тихо, спокойно живется. При втором налете застрелили они одного волка. После этого стая откочевала неизвестно куда.

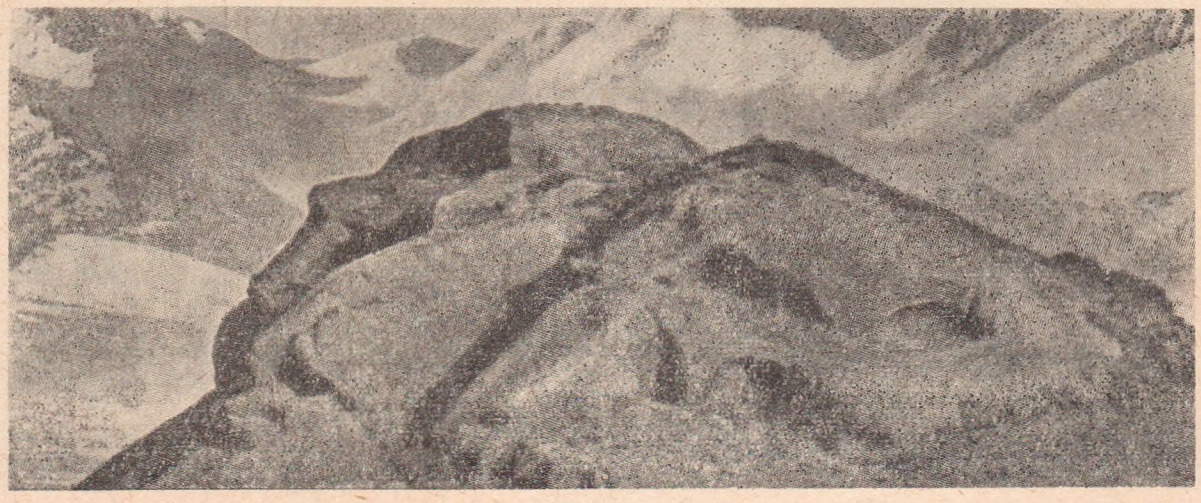
На этом наш разговор о волках закончился.

...Свернув в узкий нелюдимый безымянный отщелок и проехав по нему около двух километров, обратили мы внимание, как левее и выше нашей тропки тревожно застрекотали в густом тальнике сороки.

Было ясно, что этих чутких птиц-сигнальщиков кто-то потревожил. Ни рысей, ни диких котов, кого бы могли приметить эти глазастые птицы, в ущелье не водилось.

Решили проверить причину птичьей тревоги. Привязав коней, пошли к месту, над которым стрекотали сороки. Собаку я взял на ременной поводок. При нашем приближении сороки застрекотали еще громче, еще тревожнее. Пес мой, обнюхивая какой-то след, ощетинил шерсть на загривке и стал рваться вперед.

...На подтаявшей снежной поляне сразу же приметили мы свежий след взрослого



волка. На черной тропе след стал невидимым, но пес уверенно вел нас в тальник. Вскоре среди тальниковых зарослей на небольшой полянке увидели мы обглоданные кости элика, птичьи перья, разодранную шкурку зайца.

Пес, натягивая поводок, настойчиво и уверенно шел дальше и наконец привел нас к небольшой нише под скалой и злобно залаял...

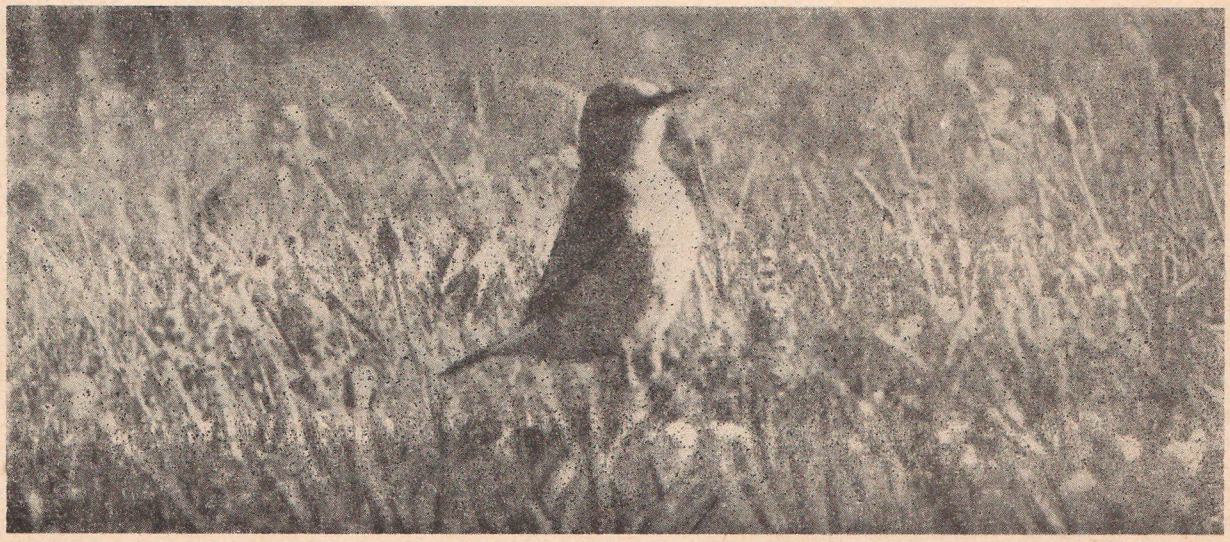
В небольшом скальном углублении, плотно прижавшись друг к другу, лежали четверо примерно десятидневного возраста волчат. Мы положили их в холщевый мешок. Испуганные, они нисколько не сопротивлялись. Мешок с добычей протащили волоком по земле метров тридцать и оставили след. Волчица, рассудили мы, непременно должна вернуться в логово и, не обнаружив в гнезде волчат, пойдет разыскивать их по следу.

Одно лишь беспокоило нас. На ущелье опускались сумерки, и мы не были уверены, что волчица появится у логова до наступления полной темноты. Затаившись с подветренной стороны в кустарниках, стали терпеливо ждать...

Безмолвная тишина стояла в этом сумрачном нелюдимом отщелке. Наконец несколько ниже засидки егеря еле слышно треснула сухая ветка. И из тальника показалась голова волчицы. Меткий выстрел Николая Степановича оставил на месте убитую волчицу.

Велико было удивление чабана Абдразака Кульчибаева, когда на ночлег заехали мы в его кибитку и показали ему четырех живых волчат и уже снятую шкуру волчицы. Он всего лишь несколько часов тому назад авторитетно и уверенно заверял нас, что ни одного волка во всем ущелье уже давно не осталось. А они оказались всего лишь в трех километрах от места выпаса его овец.

Случай этот помог Абдразаку, как и многим другим еще молодым чабанам, не знающим хитроумных повадок волков, быть всегда на чеку.



ЖИВЫЕ БАРОМЕТРЫ

Мы уже давно привыкли ориентироваться на прогнозы погоды по сводкам метеорологических станций. Они ежедневно транслируются по радио, печатаются в газетах. Но кроме научных данных, бытуют и народные приметы о погоде. Народ, тысячелетиями наблюдая отдельные явления в природе, метко подмечал их. Хранил в памяти. И передавал этот накопленный опыт из поколения в поколение.

Основаны эти приметы на многочисленных наблюдениях над поведением животных и растений, тонко улавливающих предстоящую перемену в погоде. Такими приметами не следует пренебрегать. Они иногда упоминаются в листках отрывных календарей, печатаются в научно-популярных журналах, в сборниках «Природа и люди».

Так, люди наблюдательные давно и верно приметили, что перед наступлением ненастья ласточки и стрижи летают очень низко, почти над самой землей. Ученые объяснили и комментировали эту особенность тем, что насекомые, составляющие пищу ласточек и стрижей, не поднимаются перед ненастьем ввысь, опасаясь, чтобы крылышки их не намокли во влажном воздухе и не отяжелели.

Пауки перед ненастьем уходят в середину паутины и прячутся.

Последите за сложной и интересной жизнью муравьев и пчел. Если муравьи уходят в глубь муравейника и жизнь на поверхности его замирает — жди непогоды, дождя.

Если пчелы дружно вылетают с утра за взятком — будет ясный, теплый день. Отсиживаются в улье, тревожно гудят — ожидай дождя.

Как-то с охотоведом А. И. Полтавским пошли мы в выходной день за грибами. Было это в Джеты-Огузском ущелье. Стоял яркий солнечный день августовской поры. Одно из окон егерского домика было оставлено открытым. Вернувшись часа через три домой, мы застали в комнате более сотни гудящих пчел.

Жена охотоведа, да и сам он очень встревожились. Рядом с егерской сторожкой стояли пять ульев. И Алексей Иванович подумал, что кто-нибудь в наше отсутствие разорил улей. Но там оказалось все в порядке, хотя во всех восковых кельях тревожно гудели пчелы.

Буря будет, очень тревожатся пчелы,— сказал мне Алексей Иванович. — И пчелы, залетевшие в домик,— добавил он,— это чужие пчелы, вероятно залетевшие к нам по дороге домой.

Прошел час, и погода действительно резко изменилась. С ледников подул по ущелью холодный ветер. А еще через час в еловом лесу забушевала буря, закончившаяся ливневым дождем, перешедшим в град. В горах резко похолодало.

...Собирал я для рыбалки вместе со своим напарником дождевых червей. И нам почти не пришлось откапывать их. Червей этих мы собирали на поверхности земли.

— Выползли дождевые черви наружу — быть скоро непогоде,— убежденно заявил старый опытный рыболов. Так к вечеру и случилось.

...В тугайных зарослях Сыр-Дарьи, в Южном Казахстане, по отдельным угодьям обитает множество фазанов, и мне несколько раз приходилось слышать, как в ясный солнечный день осенью внезапно, тревожно и громко зацокают в одном месте эти птицы. Такое же цоканье через секунду повторится по соседству, и тогда одновременно дружно откликнутся им все их сородичи. Такое тревожное цоканье продолжается обычно всего лишь несколько секунд и сразу же смолкает.

На мой вопрос, чем вызывается такая внезапная перекличка фазанов, егерь местного охотничьего хозяйства пояснил, что так фазаны подают сигнал только перед резким изменением погоды.

Подобную фазанью перекличку удавалось мне не раз слышать на побережье Иссык-Куля в зарослях джерганака и тростника. Вскоре после такой сигнализации резко менялась погода.

На Иссык-Куле в летнюю пору обитает много чаек. Охотятся они за мелкой рыбешкой. Отдыхают на берегу, но если начинают часто купаться — это к непогоде.

Если болотный лунь гнездится в поле — нужно ожидать мокрого дождливого лета, при котором гнездо его, обычно устраиваемое в болотной местности, будет залито водой.

Широко распространены и неоднократно проверены такие народные приметы: ворона хохлится — к дождю. Каркает, сидя против ветра,— к дождю. Курица обирает клювом перья — к дождю.

Перед дождем закрывает свой венчик вьюнок, а одуванчик сжимает свой шар. Если в весеннюю пору береза выделяет много сока — лето будет дождливое.

Когда летом на совершенно здоровых деревьях появляются желтые листы — осень будет ранняя. Быстро прошедший осенний листопад — к холодной зиме. Высокая круглая радуга — к хорошей погоде. Низкая и пологая — к ненастью. Преобладает в радуге красный цвет — скоро прояснится погода. Преобладает синий — непогода затянется. Если на водоемах утром туман поднимается вверх — это к дождю. Стелется утром туман по воде — к хорошим ясным дням.

Это только незначительная доля народных примет. И каждый человек может проверить и убедиться в правильности их.

РАЗОБЛАЧЕННЫЙ ВОР

Рыжый, злой и агрессивный кот бригадира рыболовецкой бригады Петра Алексеевича Пухова под кличкой Тимошка слыл среди рыбаков дикарем и не терпел ничьей ласки.

Родившись в непроходимых зарослях облепихи, он еще с тремя котятами через десяток дней после появления на свет был перенесен своей матерью из гнезда в небольшую хибарку бригадира, расположенную на северном берегу Иссык-Куля, вблизи селения Средних Урюктов.

Подросших котят вскоре раздали по знакомым. Отдали и старую кошку. И тогда Тимошка остался полновластным повелителем всей дворовой живности бригадира: задиристого драчуна петуха, двух поросят, подраненного кем-то в крыло журавля, подобранного в тростниковом болоте. Не подчинялся Тимошке только охотничий пес бригадира Моряк.

Котенок быстро рос и набирался сил на питательных рыбных харчах бригады и вдобавок к своему пайку активно истреблял многочисленных мышей. Никогда не терся Тимошка под ногами рыбаков, никому не надоедал и излюбленным пристанищем своим избрал уголок в сарае да глинобитную крышу рыбачьей избушки.

Через полгода это был уже солидный и отяжелевший почти взрослый кот. Не шкодил, не воровал в продуктовой кладовке и вел честную кошачью жизнь.

Не ладил от только с псом хозяина Моряком и нередко затевал с ним виртуозные драки, служащие веселым развлечением для всех обитателей рыбацкой избушки. После очередного поединка пес по нескольку дней ходил с исцарапанной мордой, а Тимошка то прихрамывал, то подолгу отлеживался в сарае от укусов крепких и острых собачьих зубов.

И случилось так, что бригадир Петр Алексеевич заподозрил Тимошку в краже крупной рыбы. Такое воровство бригадир Пухов считал преступлением очень серьезным и совершенно нетерпимым. Возвращаясь иногда с улова поздно вечером или даже в ночные часы, Петр Алексеевич оставлял крупную рыбу проветриваться в лодке на свежем воздухе, на ветерке. И вот он обнаружил исчезновение из лодки шести крупных рыб.

Прошло дней пять, и кража повторилась. Из той же лодки были дерзко похищены еще пять крупных рыб. Это было уже происшествием чрезвычайным.

Поблизости никто не проживал. Никаких птиц, охотящихся за рыбой, кроме чаек, промышлявших мелкую рыбешку, на Иссык-Куле не было. Все кражи в бригаде происходили в ночное время. Появление лисицы исключалось. Ее бы сразу почуял Моряк и подал сигнал хозяину. Петр Алексеевич расставил в лодке и около нее замаскированные капканы. Но в них никто не попался.

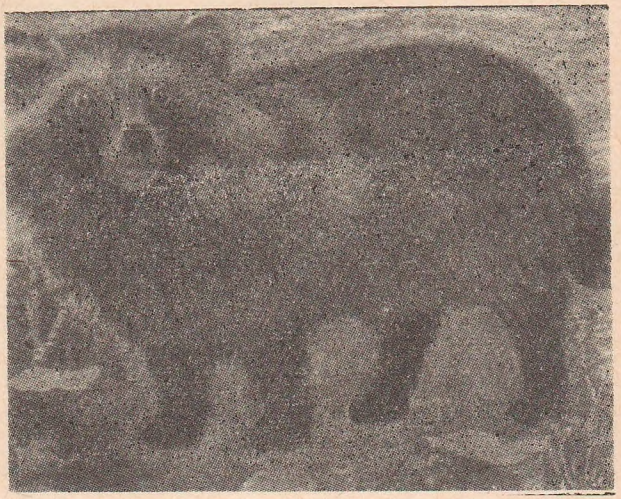
Кража двух больших сазанов и маринки случилась при мне.

Проверяя охотничьи угодья набережной зоны Иссык-Куля, я под вечер подходил со своей собакой — крупным, злобным гриффоном — к избушке Петра Алексеевича.

Рыжий Тимошка спокойно восседал на крыше хибары и зло, недружелюбно покосился на меня своими зелеными глазами. Давненько я не посещал Петра Алексеевича и сразу даже не признал бывшего невзрачного котенка.

Приветствуя меня, из избы вышел бригадир и, указывая мне на Тимошку, сказал:

— Видали разбойника. Вырастили мы на свою голову кота-ворюгу. Убить его надо за его бандитизм. Стоит только привезти с промысла крупную рыбу, оставить на ночь на катере — всю разворует котище. Я и капканы настораживал, и петли ставил, и сам несколько раз караулил вора ночами, но не мог обнаружить жулика. Ворует, как профес-



сиональный вор,— скрытно, тихо, ловко и незаметно.

— В каком количестве исчезает крупная рыба с катера? — спросил я Петра Алексеевича.

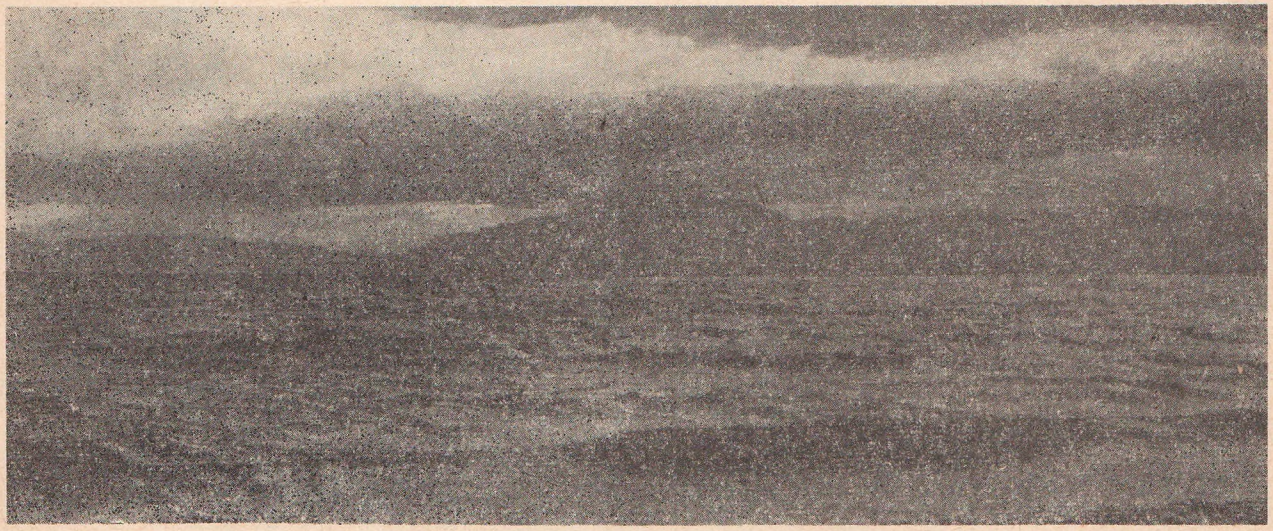
— Да в немалом,—сердито ответил бригадир.— То пять штук выкрадет, то шестерку потянет, то тройку. Крепко обижаются на это рыбаки.

— Петр Алексеевич! Подумай-ка сам. Разве под силу даже взрослому крупному коту съесть пятерку крупной рыбы? Не сможет он такой порции осилить. А если бы прятал где-нибудь краденое, так все бы давно приметили это потайное место. И в первую очередь такой склад первыми бы обнаружили вездесущие сороки и любопытные вороны. Кот у тебя сыт до отказа и без воровства на вашем общем рыбацком котле, да на честном промысле мышей. Поэтому давай-ка поищем другого вора. Может быть и обнаружим кого-нибудь.

Я заночевал в рыбацкой избе. Лодка с сегодняшним уловом была вновь оставлена на берегу. Ночью прошел небольшой дождь. Выйдя на рассвете на берег, мы сразу обнаружили на чуточку влажной почве отпечатки следов. И хотя были они далеко не ясными, но по форме своей совершенно не схожими с кошачьими.

Я сразу же спустил с поводка своего хорошо натренированного пса, и он сразу повел нас по свежему следу в заросли облепихи. Около километра петлял след, но пес шел бодро и уверенно. Не отставали и мы от нашего следопыта. Наконец под густым развесистым кустом барбариса пес остановился и с азартным лаем схватился с кем-то в борьбе. Раздались чье-то фырканье и возня. Исколовшись о колючки джерганака, с трудом пробрались мы через его кустарники.

Прижавшись к земле, на пса огрызался взрослый матерый енот. Завидя нас, он попытался кинуться в сторону, но сильный и ловкий пес мгновенно задержал его, прихватив за шиворот.



Быстро сняли мы с Петром Алексеевичем с себя ватники и буквально запеленали ими зверя. В прикопанной под развесистым барбарисовым кустом неглубокой ямке мы обнаружили кучу натасканной рыбы, часть которой начала уже сильно разлагаться.

Так был разоблачен истинный вор, а честный и добропорядочный рыжий кот Тимошка был полностью реабилитирован...

Петр Алексеевич, пожимая мою руку, долго благодарил и весь обратный путь радовался, что Тимошка остался живым и невредимым, а главное — ни в чем не повинным.

В тот же вечер на стол рыболовецкой бригады была подана чудесная наваристая уха. И все рыбаки по самому лакомому рыбьему куску отложили в Тимошкину чашку.

ИНСТИНКТ МАТЕРИНСТВА

НЕОЖИДАННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Солнце было уже в зените. Мне стало труднее подниматься по каменистым осыпям одного из горных ущелий Кунгей-Алатоо. Чтобы немного передохнуть, я прилег в тень под огромным камнем-валуном. Через несколько минут я услышал, как на горной осыпи, недалеко от меня, зашуршала галька. Затаившись, я стал ждать. Прошла всего лишь минута-другая, как я увидел сначала рыжевато-бурую головку какого-то небольшого зверька и сразу же из-под камней показался сам зверек — горностай. Дул легкий ветерок и поэтому зверек, не почуяв человека, спокойно продвигался в мою сторону.

Я не хотел пугать его, но, заметив, что он несет в зубах что-то живое, громко хлопнул в ладоши. Ошалевший от неожиданности горностай резко метнулся в сторону и выронил свою ношу. Это оказался детеныш горностая. Он был цел и невредим, но так еще мал, что не мог передвигаться и беспомощным комочком остался лежать на месте.

Упрекнув себя за невольное вмешательство в «семейные дела» зверька, я отошел на несколько метров, замаскировался за кустом арчевника и стал с нетерпением ждать — вернется ли мать за детенышем?

Напуганный зверек появился вновь не скоро. Переживая страх и вероятную возможность новой опасности, матка осторожно, крадущимися шажками подходила к детенышу. И только убедившись, что кругом никого нет, схватила его в зубы и огромными скачками исчезла в каменистых россыпях.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА

Обследуя как-то угодья хребта Кунгей-Алатоо в Приссыккулье, проезжал я верхом с ветврачом Иваном Куприяновичем Ямковым по одному из еловых лесов. Подъезжая к лесной поляне, мы приметили, как над ней кружил мощный орел-беркут. Ясно было, что пернатый хищник приметил какую-то добычу. Но на поляне, заросшей густым травостоем, мы не могли ничего рассмотреть даже в сильный полевой бинокль. Беркут сделал еще два круга. Хотел я его спугнуть выстрелом, но он словно предупредил меня — резко спикировал на поляну и сразу же раздалось чье-то испуганное верещание, жалобный писк и ... все смолкло.

Птица не поднималась с земли. Неподалеку от нас треснула сухая ветка и из леса на поляну стремительно выскочила косуля. Она остановилась около орла как вкопанная и начала угрожающе топать о землю передними ногами. Беркут, повернув к ней голову, шипел, грозно щелкал клювом, но пойманную добычу не оставлял. Я выстрелил в воздух. Орел сразу поднялся вверх. Испуганная выстрелом косуля мгновенно ускакала в лес.

Подъехав к месту происшествия, мы увидели крохотного эличонка. Мать спрятала его от врагов в укромном месте. Хребет малыша был переломлен и на затылке его зияла рана. Мы опоздали...

Косуля-мать, не побоявшись сильного врага и присутствия людей, рискуя жизнью, стремилась спасти своего детеныша.

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ КЕКЛИЧИХИ

Как-то в летнюю пору в горах утомленный тяжелой дорогой и особенно жарким днем я спустился к ручейку, протекавшему по дну отщелка. На берегу ручейка, покрытого зеленой осокой, рос развесистый куст барбариса — чудесное место для отдыха в тени.

Собака моя стремглав кинулась к ручью, но, добежав до него несколько шагов, внезапно замерла на стойке.

«Кого же она почуяла?» — подумал я. Вокруг были каменистые горы с щебнистыми осыпями и изредка попадавшимися низенькими кустиками астрагала. Пес полдня носился здесь челноком и обследовал все места, казавшиеся ему особенно заманчивыми, не спугнул ни одного живого существа и вдруг — стойка!?

До ручья нужно было спуститься с горы метров 50. Когда я подошел вплотную, сеттер продолжал стоять, словно окаменелый. Я подал команду. Собака рванулась вперед, сделала бросок вправо, влево, но везде было пусто. Сеттер, нервничая, стал коротким галопом делать широкий круг и уже на половине его, мгновенно обрезав бег, вновь замер, вытянувшись всем корпусом. И тогда не выдержав, с резким шумом из-под морды его ракетой сорвалась каменная куропатка-кеклик.

Кеклики, застигнутые врасплох, летят очень резко, быстро. Эта же птица, взлетев вверх, сразу дала сильный крен на крыло и, пролетев несколько метров, упала на землю, побежав в горы.

Я понял, что это старка-мать, притворяясь раненой, старается отвести врага от затаившегося где-то поблизости выводка птенцов. Но не так понял ее пес. Видя, что птица упала, да еще еле ковыляет, он по-собачьи сообразил, что поймать такого подран-

ка — сущий пустяк. Совершенно ошалев от такого соблазна, с визгливым лаем метался он около меня и только мои окрики удерживали его на месте. Кекличиха же тем временем, отбежав порядочное расстояние, поднялась вновь и полетела совершенно свободно.

С упреком посматривая на меня, сеттер словно хотел сказать: «Эх, хозяин, добычу-то какую прозевали!».

Я решил сделать привал. Пес лег рядом и, успокоившись, вскоре задремал.

Оставшийся где-то затаенным кекличиный выводок очень интриговал меня, и я был уверен, что матка непременно вернется и начнет скликать малышей. И не ошибся.

Прошло минут десять-пятнадцать, я услышал, как сверху, с горы осторожным квохтаньем матка созывала птенцов. Квохтанье повторялось все ближе, громче. Собака, проснувшись, навострила уши, забеспокоилась.

И вдруг совсем неожиданно я увидел, как справа от меня из прибрежной осоки, обгоняя друг друга, бежали вверх семь крохотных серых кекличат. И еще правее вдогонку им спешили остальные четверо. Весь выводок устремился в одно место — к большому круглому камню, находившемуся от ручья метрах в пятнадцати, — там была старка.

Увлекшись наблюдением, совершенно забыл я о собаке, а она, никем не сдерживаемая, легко перемахнув через ручей, кинулась к выводку. Но тут случилось непредвиденное. Вместо того, чтобы улететь, скрыться, кекличиха, точно домашняя наседка, распустила крылья и, вытянув шею, угрожающе пошла навстречу собаке. Это было так неожиданно, что пес сразу почувствовал что-то неладное, остановился и, оглянувшись на меня, замахал хвостом. Взволнованный такой картиной, я быстро поспешил на выручку птице.

СОСТЯЗАНИЯ В СИЛЕ И ЛОВКОСТИ

МОЛОДОСТЬ ПОБЕЖДАЕТ

Было десятое сентября — начало той поры золотой осени, когда в Киргизии стоят теплые и яркие чудесные солнечные дни и не так еще холодны звездные ночи.

В предрассветный зоревый час, когда восточная сторона неба еле обозначилась розовеющей кромкой утра, горный еловый лес, в котором мы ночевали, не проснулся еще от ночного сна, и в нем стояла нерушимая тишина.

Я только встал, взял походное ведерко, чтобы почерпнуть воды в протекавшем поблизости от нас горном ручейке и вскипятить чай, как услышал какой-то шорох. И на кромку еловой поляны выскочила косуля — и остановилась возле развесистого куста барбариса.

Вздернутые вверх уши ее вздрагивали, напряженно прислушиваясь к малейшим звукам леса. Она тяжело дышала от усталости. По всему было видно, что она убегала от погони.

«Не волки ли гнались за ней?» — подумал я и нагнулся к спальному мешку за ружьем.

В этот момент на поляне неожиданно появился крупный рогаль-самец. Нагнувши к земле голову и принюхиваясь к следам косули (элики таким способом всегда разыскивают в брачную пору самок), он шел так шаг за шагом за самкой и вышел на поляну точно в том месте, откуда появилась косуля.

Самка вмиг приметила его. И напуганная появлением своего неумолимого преследователя стремительно кинулась к густым кустарникам. Но сильный, быстрый и расторопный рогаль перерезал ей путь и ловко закружил косулю на одном месте.

Поняв, что ей не уйти и не быть победительницей в этой борьбе, а может быть и в брачной игре, косуля покорно остановилась.

Так состоялось их своеобразное знакомство и сватовство. Через небольшой промежуток времени они уже дружной супружеской парой уходили с поляны в густолесье.

В горных угодьях Киргизии был разгар брачного периода у эликов. И потому естественно, что «женихов», желающих вступить в брак, было в этом лесу много.

В это время у кромки леса, сквозь густые лапники елей показалась сначала увенчанная ветвистыми рогами голова элика, а затем вышел на поляну и сам элик-соперник, пожелавший бороться за свое семейное счастье.

Был ли это неудачливый в браке холостой самец-бродяга или ревнивый соперник, позавидовавший удаче другого самца, — нам никто не расскажет. Но пришелец, раскатисто рявкнув, мгновенно ринулся в бой...

Громко, с треском застучали сухие, жесткие и сильные, сцепившиеся рога в этом брачном турнире-поединке двух смертельных врагов. Силы на первых порах боя казались равными. Но пришелец был заметно грузнее и массивнее и по своему сложению намного старше своего соперника. Удар за ударом ловко наносили друг другу враги, падали на колени, напрягали всю мускулатуру, цеплялись на миг рогами, стукались лбами...

Ну, а как вела себя во время поединка молодая грациозно-изящная гибкая красавица-косуля? Убежала ли она в испуге или, воспользовавшись моментом, скрылась в густолесье? Она наперед уже знала, что с нею останется самый сильный, ловкий и энергичный. И, отойдя в сторону от места схватки, казалось, равнодушно ждала исхода боя.

Старый элик стал явно уставать. И когда старик был сбит с ног двумя очень расторопно нанесенными молниеносными ударами,

он с трудом поднялся и, пошатываясь, покинул поле боя...

Победитель не преследовал его и сразу же рысцой направился к шедшей ему навстречу подруге. С гордо поднятой головой победителя, властный и мощный, повел он косулю в ту заветную для него часть леса, где он родился, вырос и стал взрослым...

АПАТИЧНЫЙ ЗВЕРЕК

В августе, возвращаясь с рыбалки на реке Чу в село Камышановку, присел я отдохнуть под единственный кустик почти обнаженного от растительности степного поля. Безжизненной казалась расстилающаяся передо мной выгоревшая от летнего солнца местность.

И вдруг приятная неожиданность — метрах в пятнадцати от себя приметил я ушастого ежа. Зверек передвигался тихо, спокойно и, казалось, ни на что не обращал внимания. «Сытый наверное. Закусил плотно мышами и не торопится домой», — подумал я.

И вдруг этот апатичный зверёк, метнувшись в сторону, быстро схватил за хвост змею. Изогнувшись спиралью, змея молниеносно рванулась под ноги ежу, пытаясь вонзить в зверька свои смертоносные зубы. Еж, на долю секунды опередив ее, вмиг свернулся в клубок. И удар ядовитых зубов змеиной пасти пришелся на колючие ежовые иглы.

Я вскинул к глазам бинокль и увидел, что противником ежа оказалась ядовитая степная гадюка.

Наткнувшись на непроницаемую колючую броню ежа, гадюка вплотную проползла вокруг него вероятно нащупывая, в какое место можно наверняка нанести удар. Но еж был неуязвим. Змея отползла от него метров на пять и, остановившись, выжидала, попытается ли еж напасть на нее вторично?

Минуты через две еж развернулся и быстро засеменил к змее. Гадюка спокойно ожидала приближения противника, но когда еж вторично попытался схватить ее, она по-змеиному гибко увильнула от него и вдруг первой кинулась в атаку.

Молниеносен был этот маневр гадюки. Но еж ожидал такого внезапного выпада. И опять опередив ее, свернулся в клубок.

На этот раз смелый и настойчивый зверек развернул свою колючую броню сразу же после броска гадюки и, быстро и ловко ухватив змею повыше хвоста, стал тянуть ее к себе. Несколько раз пыталась обернуться гадюка и вонзить в него ядовитые зубы. И каждый раз в этот момент еж сильно дергал и тряс ее.

Утомленная напряженной борьбой, задерганная и измученная гадюка как-то сразу обмякла, ослабла и, обессилев, почти не сопротивлялась.

Так небольшой зверёк победил коварную, ловкую и страшную своим ядом змею.

ВИНОВНИК ФАЗАНЬЕЙ ТРЕВОГИ

Однажды в зоне Урюктов, на Северном побережье Иссык-Куля, я обратил внимание на странное поведение фазанов. Несколько десятков птиц вдруг начали тревожно слетать в заросли облепихи со скошенного поля пшеницы. И затаились, не опасаясь меня, почти рядом.

Осторожно пробравшись к стерне, на которой ежедневно кормились фазаны, я сразу приметил метрах в 30—40 ястреба-тетеревятника, терзавшего фазана, и успел выстрелить в хищника. Была и такая встреча: как-то в поле прямо под ноги ко мне кинулся заяц-толай с наседавшим на него ястребом-тетеревятником. Увидев меня, хищник резко затор-

мозил крыльями и, круто взмыв вверх, упал после моего выстрела.

Птица эта очень редко подпускает человека на выстрел, хотя на виду у охотника смело бьет по стае летящих голубей, чирков или крякв и не менее ловко бьет на земле и в воздухе фазанов, кекликов, тетеревов. Справляется с дрофой и уларом. Упорно преследует в лесу белку и в неутомимой погоне нагоняет быстрого зайца.

Птичницы колхозных ферм хорошо знают, какой переполох поднимается на птичнике при появлении этого пернатого разбойника. Налеты его на кроличьи фермы всегда дерзки, неожиданны и всегда наносят большой урон.

Некоторым птицам он внушает такой панический ужас, что на виду у ястреба их невозможно заставить взлететь.

Ястреб-тетеревятник не гнездится в Киргизии, но в отдельные благоприятные для него годы остается зимовать у нас, сосредоточиваясь преимущественно в местах большого скопления дичи.

Ястреб-тетеревятник — сильная, ловкая и вредная птица.

МОИ ВОСПИТАННИКИ

КОТЕНОК МАНУЛА

Дикому котенку от роду было не более десятка дней, когда этот крохотный пушистый комочек был доставлен в Пржевальское отделение Киргизской зообазы с Покровских сыртов Терскей-Алатоо.

Беспомощному сосунку хотелось только одного — несколько глотков теплого, сытного материнского молока. Ну и вдобавок к этому немного ласки, тепла и покоя после очень далекой и утомительной для него дороги.

Пятнадцатилетний паренек — племянник чабана Кадырбая Токтобаева — Асан, которому чабан поручил доставить этот хлопотный груз, слезно просил на зообазе выручить его — взять котенка.

Заведующий Пржевальской зообазой Д. В. Самсонов никак не мог принять на свое попечение такого еще крохотного, совсем беспомощного сосунка, которому требовались особый уход и воспитание.

Самсонов знал, что в моей квартире в городе Пржевальске нередко находили приют, уход и корм то раненый журавль, то истощенный зайчишка или осиротевшие кекличата, и он направил Асана ко мне.

Соблазн вырастить и воспитать не часто встречающегося в горных угодьях Киргизии дикого кота-манула был, конечно, велик для меня. Но уж очень велики были и хлопоты, и моральная ответственность за сохранение жизни такого крохотного существа.

И еще чего я опасался. С манулами я сталкивался на своих охотоведческих маршрутах в Киргизии за двадцать лет всего два раза, но уже и по этим встречам знал, насколько взрослые манулы злы, агрессивны и коварны. Видел, как упорно и ловко боролся манул с моей сильной собакой и какие раны нанес ей когтистыми лапами и острыми зубами. Видел в Алма-Ате у лесничего И. Заботина месячного котенка манула, очень нелюдимого и злого.

Но уговоры расстроенного плачущего подростка, поддержанные настойчивыми просьбами жены, бравшей все обязанности по уходу за крохотным котенком на себя, а главное сам вид малыша, тыкающегося носом в наши ладони, сделали свое дело.

Так этот рыжевато-серый пушистый живой комочек и остался квартировать у нас. С этого дня и начались наши ежедневные мытарства по уходу за приемышем, продолжавшиеся три месяца. Правда, малюсенький котенок сразу же начал сосать соску с молоком, но, быстро подрастая, вскоре стал требовать добавки и непременно мясной. Давали ему мелко нарубленные кусочки вареного мяса. А приемыш обиженно и зло фыркал на такую еду, отшвыривал от себя мордой блюдечко и плаксиво мяукал.

Не хотелось мне приучать его к сырой еде, но, видно, сама натура дикаря была приспособлена к определенной пище, которую употребляли на воле все его сородичи. Только сильно проголодавшись, ел он вареное мясо, ел неохотно и при этом был вялый, равнодушный.

Но когда я ему принес в первый раз пару воробьев, у мануленка вмиг исчезло все равнодушие. Обнюхав сырое мясо, он злобно, по-звериному заурчал и, прихватив добычу зубами, мгновенно юркнул с ней под диван. Воинственная поза его и злые поблескивающие глаза выдавали алчность хищного зверя. А ведь ему был всего месяц.

Начиная с этого «воробьиного дня» вареная пища категорически отвергалась нашим требовательным приемышем. Так и перевели мануленка на сырой рацион из воробьев, ворон, галок, конины и иногда говяжьих костей.

Как же держал себя мануленок с нами, людьми, его воспитателями? Примерно до

двух месяцев своей жизни он был веселым и жизнерадостным существом. И похож на обычных домашних котят нашей квартирной хозяйки. Но все кошачьи эмоции, начиная с ловких прыжков, игривого или плохого «настроения», проявлялись у него в неизмеримо больших размерах, чем у домашних котят. И еще мануленок не терпел никакой людской ласки и забирался спать куда-нибудь в угол без всякой подстилки. Стоило только протянуть к нему руку, чтобы погладить, приласкать его, как он мгновенно вскакивал и, щеря зубы и фыркая, угрожающе поднимал свою уже ставшую когтистой сильную лапу и старался ударить или поцарапать.

Затевая веселую игру с клочком бумаги, он молниеносно ловил его, но если игрушка вовремя отдергивалась и котенок промахивался, он кидался под ноги человеку и старался поцарапать или укусить.

Мы ежедневно выходили с ним во двор гулять. Сначала он прижимался к земле, все обнюхивал, затаивался в укромных местах, но вскоре освоился и тогда начал демонстрировать свое кошачье уменье и ловкость: то поймает глупо задиравшуюся курицу, то горластого драчливого петуха.

На третьем месяце терпению моему пришел конец. Случилось это из-за схватки манула с соседским гусем. Калитка была открыта и гусь зашел в наш двор с гусыней и гусятами. Злого и сильного гусака этого боялись не раз пощипанные им хозяйские и мои собаки, но мануленок, впервые увидев гусей, припав на долю секунды к земле, совершил точно рассчитанный прыжок в самую середину гусиной стаи. Напуганные птицы в панике, гогоча и хлопая крыльями, удирали от него во все стороны. И только огромный гусак-хозяин стаи, защищая гусят, вытянув шею, ринулся смело на манула. Но повзрослевший трехмесячный мануленок, уже достаточно мускулистый и сильный, ловко схватил его за шею — и участь гусака была мгновенно решена.

Все это произошло в считанные секунды. С великим трудом и извинениями помирился я с хозяйкой гусей. Мануленка же категорически решил сдать на зообазу.

Договорившись с директором зообазы, что он пришлет машину утром следующего дня, я с утра хотел подготовить мануленка, но ни в комнате, ни во дворе его не оказалось. В летнюю пору мы часто оставляем дверь во двор открытой. Охотничьи собаки всегда надежно охраняли наш покой. Сам же манул крайне редко и очень не надолго выходил из комнаты в ночную пору и всегда быстро возвращался.

В эту же ночь, будто чуя, что ему придется покинуть свой обжитый уголок, он навсегда исчез. Думаю, что зверь не проиграл в этом, — он обрел настоящую свободу.

УШАСТЫЙ ЕЖ

Случилось это в летнюю пору в полевой служебной командировке в зоне Чуйской долины. Я, как всегда, поднялся в шесть утра. Легко и привычно надев один сапог, стал натягивать голенище второго и невольно вскрикнул от острой боли. Казалось, десяток заноз одновременно впились в подошву и в пальцы ноги. Быстро сдернув сапог, я потряс его над брезентовым полом походной палатки, желая поскорее выяснить, что же такое могло попасть туда.

Каково же было мое удивление, когда из голенища выкатился колючим клубочком ушастый еж и испуганный такой неожиданной для него побудкой мгновенно упрятался в свою колючую игольчатую броню и замер на месте.

Зоолог Тюрин присел перед зверьком на корточки, долго наблюдал за ним и наконец

недоуменно спросил меня, как в палатке оказалось это колючее существо.

— Да вот, — ответил я, — непрошенного квартиранта из сапога вытряхнул. Решил он переночевать в голенище...

Петр Степанович молча достал из аптечной сумки флакон с йодом и бинт, смазал мою ногу и, убедившись, что еж не нанес мне никакого серьезного и опасного ранения, долго смеялся над случившимся происшествием.

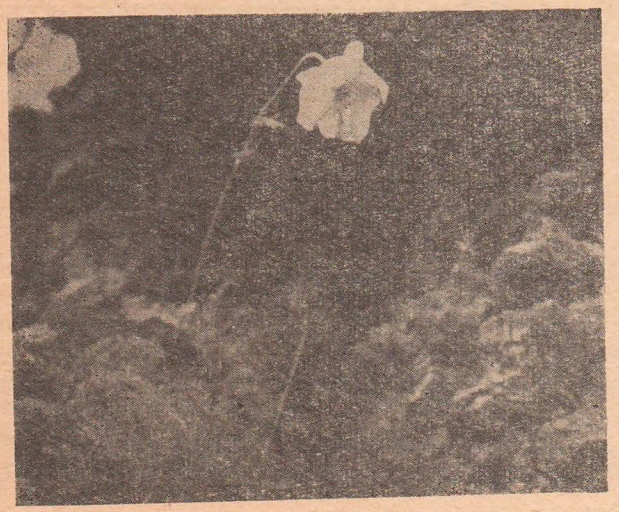
Колючего же гостя своего мы уложили в глубокую коробку и, поставив блюдечко с водой, отправились умываться.

Гостю моему вероятно понравилась гостеприимная палатка и он вскоре перестал бояться и меня, и Петра Степановича. Он все реже прятался в свою броню и выходил прогуляться при нашем присутствии. Стоило его окликнуть по имени, как он послушно бежал на наш зов и в награду неизменно получал что-нибудь вкусное. Еж был очень чистоплотен и любил устраиваться на отдых или сон потеплее и предпочтительно на чем-нибудь мягком.

Когда в палатку приходили незнакомые ему люди, он убегал куда-нибудь в темный угол и прятался между ящиками, а если его пытались поймать, мгновенно свертывался в клубок и притворялся чуть не мертвым. Очень не любил ежка, когда кто-нибудь пробовал брать его на руки или ворошить его иглы. В таких случаях зверек нервно подскакивал, фыркал и сопел. Когда мы завтракали и ужинали на свежем воздухе, расстилая на брезент скатерку, ежка часто забирался на полевой стол и охотно принимал участие в нашей трапезе, а если его выгоняли со стола, он, мгновенно свернувшись и ощетинившись, старался больно уколоть своего обидчика острыми иглами.

От любой еды еж не отказывался, но больше всего любил меню из жуков и уж совсем неравнодушен был к поджаренным и сырым куриным яйцам и молочному порошку. Настойчиво, но редко удачно, упражнялся ежка в ловле шустрых ящериц.

Не хотелось оставлять в позднюю осеннюю пору полюбившегося мне ежа в одиночестве.



В тот год много расплодилось лисиц, много появилось бродячих собак, а с открытием осеннего сезона охоты появилось и немало врагов природы — жадных и бессердечных браконьеров. В таких условиях трудно было рассчитывать, доживет ли до зимовального сна наш ежик.

Дома ежа встретили с большой радостью и гостеприимством. На отапливаемой веранде устроили ему уголок. Жилье отгородили фанерой, постелили небольшое ватное одеяло, поставили поилку, устроили кормушку, соорудили проход. И зажил мой квартирант на городской квартире по-новому.

Первые дни он с любопытством знакомился с новой для него обстановкой — тыкался носом во все уголки квартиры. Привыкал к незнакомым для него людям, к новому рациону питания. Сначала выходил из своего угла преимущественно в ночное время. Сердито фыркал, когда его будили по утрам, а когда усвоил, что еду может получить только в дневное время, быстро переменил часы своего бодрствования и начал вести преимущественно дневной образ жизни.

Очень внимательно прислушивался к звукам и шорохам телевизора и с большим любопытством смотрел на экран, когда на нем появлялись зверьки и птицы. На остальные картины не обращал никакого внимания и сразу засыпал у меня на коленях.

В конце ноября ежка наш исчез. Самые тщательные поиски его не дали никаких результатов. Вскоре пришло время стирки белья. И когда жена вытрясла из бельевой корзины в ванну все белье, почти на дне ее был обнаружен наш «беглец». Завернувшись в белье, ежка залег в зимний сон. Его осторожно перенесли в обжитый им уголок, поместили в небольшой ящичек и укрыли.

Прошло дней двенадцать — пятнадцать. И вдруг ночью, работая за письменным столом, я почувствовал, что в комнате моей, судя по своеобразному топоту ног, бродит еж, разыскивая что бы поесть.

Жадно выпил он блюдечко молока и, пройдя всего несколько шагов, свернулся в клубочек и мгновенно крепко уснул. Так просыпался он до весны два раза. В апреле я выпустил его на волю.

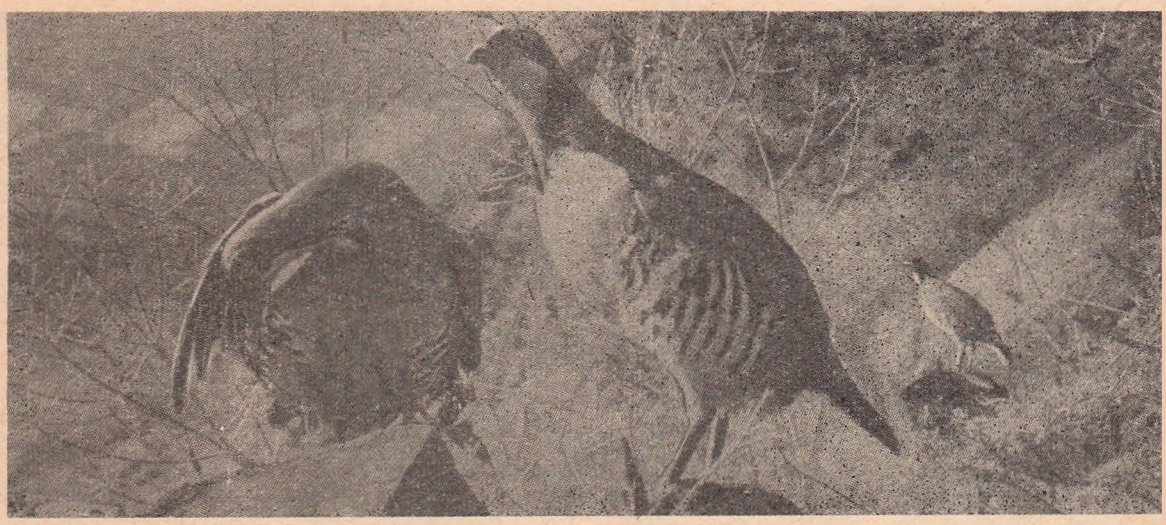
КЕКЛИЧАТА

Как-то знакомый чабан Курманбек привез мне пять еще совсем маленьких кекличат. Малыши эти осиротели на его глазах. На стайку напала лисица. Мать, защищая птенцов, сразу же попала в зубы хищницы. Испуганные кекличата сначала затаились между камней, но уже через несколько минут раздался их жалостный писк. Малыши тревожно звали мать. И беспомощные сгрудились тесной кучкой на виду у пернатых хищников.

«Погибнут птенцы без материнской охраны», — подумал Курманбек и забрал всех пятерых. Выпустить таких цыплят на чабаньем стане было делом очень хлопотным. Надо было соорудить загородку, организовать кормежку, водопой. И Курманбек передал кекличат на мое попечение.

...Два кекличонка погибли, а трое стали быстро подрастать, крепнуть, взрослеть. Через полтора месяца они почти достигли роста взрослых кекликов. Были бодры, сыты, жизнерадостны. И все трое очень привязались к нам. Их ежедневно выпускали во двор. В нашем присутствии они очень смело держали себя не только с домашней птицей квартирной хозяйки, но и нисколько не боялись охотничьих собак моих — крупного сеттера и маленького, юркого, очень смелого спаниеля.

Этот маленький пес был так смел и дерзок, что не боялся вступать в драку со злой и сильной гусыней, защищавшей от его нападения своих гусят. И вот, когда спаниель — звали его Жулик — попробовал как-то напугать молодого кеклика, этот уже подросший петушок не отступил перед ним, а, приняв оборонительную позу, сам ринулся в наступление. Взъерошив перья и полураспустив



крылья, кекличонок подскочил вверх и два раза клюнул свего противника в нос. Пес так растерялся, что с визгом отскочил и забился под поленницу дров.

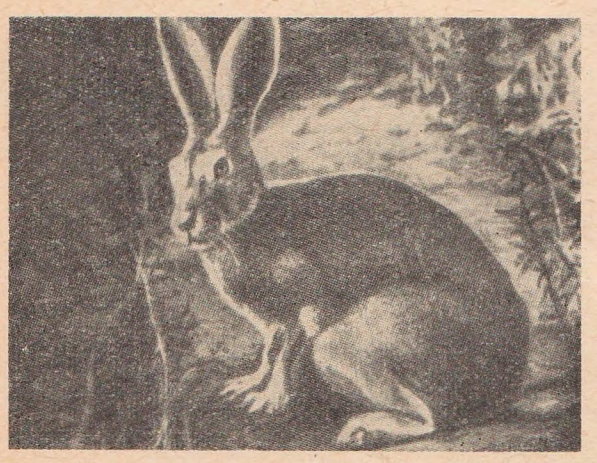
Я думал, что этот случай обозлит спаниеля и между ним и птицами начнутся постоянные раздоры. Оказалось же, наоборот. Установился мир, а потом и трогательная дружба. Так, Жулик и кекличата часто завтракали вместе из одной тарелки и никогда не ссорились. Случалось и спали вместе, причем кеклики нередко забирались на спину своему приятелю.

Жили мои пернатые друзья в комнате без клетки, выбегали на террасу, выходили во двор и, нагулявшись, возвращались без зова. Жулик часто выходил с ними на прогулку, бдительно охраняя их. Как-то на пороге открытой двери появился злой хозяйский петух — отъявленный драчун и задира. Вся тройка кекличат заволновалась, насторожилась... Напряженную обстановку мгновенно разрядил Жулик. Точно на пружинах сорвался он со своего места и кинулся на петуха. С громким криком, роняя вырванные перья, посрамленный петух обратился в бегство и никогда больше не пытался нападать на почти уже взрослых кекличат.

ЗАЯЦ-ТОЛАЙ

Восемь месяцев прожил у нас раненый зайчишка. У него так была повреждена лапа, что он даже не пытался сопротивляться, когда я поднимал его на руки. Наткнулся я на него в горах. Был этот зверушка таким беспомощным и исхудавшим, что на него жалко было смотреть. Но лечение, внимание, пища и ласка сравнительно быстро восстановили его силы. Стал он постепенно привыкать к нам и уже вскоре откликался на свою кличку — Найденыш — и, сильно прихрамывая, всегда шел на зов. Посторонних людей Найденыш всегда дичился.

Когда месяца через три почти поправилась его раненая лапа, он стал бодрым и шуст-



рым. В маленьком палисаднике зайчишка первым затевал игры в «догонялки» с нашим спаниелем Жуликом.

Трогательно было видеть, как пес нередко приносил ему в зубах косточку из своего супа и каждый раз удивленно лаял, что длинноухий друг его отказывается попробовать такой деликатес.

Когда Найденыш стал совсем здоровым, бодрым и упитанным, решили мы его выпустить в родные угодья, но сделали ошибку, захватив с собой Жулика. Найденыш как-то нерешительно сделал два-три прыжка, поднялся на задние лапки, осмотрелся и юркнул в кустарники.

Мы были спокойны за дальнейшую судьбу его. Взрослый, здоровый и бодрый, он, конечно, мог быстро ориентироваться в родной среде. У Жулика на этот счет было свое, особое мнение. Потеряв друга, он стремительно по свежему заячьему следу помчался за ним. На мою команду вернуться пес не реагировал.

Вскоре неподалеку от нас раздался радостный лай. И на поляну выскочил Найденыш и догонявший его во всю прыть Жулик.

Заяц, завидя нас, кинулся под ноги. Радостно лая и повизгивая, волчком завертелся Жулик. Пришлось вернуться домой с обоими зверями. В следующий раз Жулика мы уже не взяли с собой.

ПУТЕВЫЕ МИНИАТЮРЫ

ПЕРНАТЫЙ ВОДОЛАЗ

Гулко шумит горная река... Она настолько бурлива и быстра, что даже при сильном морозе не повсюду сковывается ледяным панцырем. Обледенелые камни, выступающие из воды, дышат холодным зимним паром.

И вдруг на одном из них невольно примечаешь небольшую, ростом меньше дрозда, серую птичку с черной грудкой. Это оляпка — удивительный пернатый водолаз. Маленькие, тоненькие лапки ее, покрытые льдинками, создают легкий хрустальный звон, как только пичужка пошевелится. Не обращая никакого внимания на леденящие брызги, оляпка неожиданно перебегает на самый краешек камня и, взмахнув крылышками, смело входит в речку, погружаясь с головой, бежит по дну ее, энергично и быстро перевертывает то цепкими пальцами лапок, то клювом подводные камешки, ловко достает из-под них различные личинки, моллюски, а при случае — и рыбного малька. Раскрытые крылышки и небольшой хвостик помогают этой ловкой и юркой птичке безошибочно регулировать все движения свои в нужном для нее направлении.

Трудно поверить в такой невероятно смелый и, казалось, неправдоподобный маневр оляпки. Человек, наблюдающий за ней первый раз, невольно волнуется и ожидает: вынырнет ли она, эта смелая оляпка, из ледяной воды? Не окоченеет ли на холоде такой крохотный комочек? Оказывается, волнение совершенно напрасное. Вот она уже снова на том же камне, на котором наблюдатель приметил ее первый раз, здоровая, беспечная и веселая. Отряхнувшись от воды, она порою, даже в зимнее время, весело распевает.

Как же ее, крохотую, не захлестывает бурный горный поток? Оляпка и хитра, и осторожна. Она держится под водой обычно неподалеку от берега, где и течение намного тише, и возможностей для розыска еды больше.

Оляпки круглогодично обитают у нас в Киргизии, но непременно у горных рек. Когда реки эти промерзают, оляпки переселяются к теплым ручьям, где и остаются до весенней поры.

ЛИСА-РОТОЗЕЙКА

Неподалеку от лесного кордона приметили мы с егерем Николаем Степановичем Рыжих стоявший с боку от нашей тропы стожок сена. Верх его до середины был уже снят. Когда до стожка оставалось метров 70—80, егерь приметил, что на вершине стожка лежит какой-то предмет рыже-красноватого окраса. Чтобы рассмотреть его яснее, Николай Степанович попросил у меня бинокль и уже через 2—3 минуты, обращаясь ко мне, удивленно произнес:

— Да вы знаете, что на сене-то оказывается лисица устроилась под солнцепеком и спит себе ротозейка глубоким сном. Калачиком свернулась и морду хвостом закрыла.

В бинокль и я сразу распознал спящую лису. Уютно устроилась кумушка на мягкой подстилке и про опасность всякую забыла беспечная.

И тогда решили мы сфотографировать ее крупным планом.

Привязав коней, мы подошли к лисе с тыла. Легкий ветерок дул от нее, и поэтому зверь сразу не смог почуять близкое присутствие людей. И вот, когда я уже наладил фотоаппарат, у Николая Степановича под ногой коварно и громко треснула сухая ветка, скрытая под снегом.

Как же в этот момент испуганно взметнулась мгновенно проснувшаяся рыжая кумушка! Как заметалась она по вершине стога, а потом резко спрыгнула в противоположную от нас сторону и стремительно помчалась к спасательным для нее кустарникам облепихи.

— Стреляйте в нее, упустим зверя! — крикнул мне егерь. Но в руках у меня был только фотоаппарат.

Неожиданно над нами появился беркут. Он мгновенно заметил лису и резко спикировал на нее, но опоздал на каких-то два — три лисьих прыжка. Так за несколько минут дважды спаслась от смерти перепуганная лиса.

Беркут, покружившись несколько минут над островком облепихи и не обнаружив зверя, полетел к скалистой горе, возвышавшейся почти рядом с кустарниковыми зарослями, в которых затаилась лиса.

Николай Степанович уверял меня, что коли лиса эта опытна и по-лисьи хитра, она раньше темноты и носу не покажет из кустарников, а если действительно ротозейка, то сегодня же днем попадет в когти этому беркуту. Мы решили замаскироваться в сене и ждать, не появится ли лиса.

Часу не прошло, как убедившись, что опасность миновала, лиса перестала таиться и легкой трусцой направилась к скалистой горе.

— Вот растяпа-то настоящая. Сама в когти к орлу лезет,— шепотом произнес Николай Степанович.

Полпути до скалы не добежала беспечная лиса, как с воздуха ударил по ней орел. Удар его был точным и смертельным.

КАК ЗАЯЦ ПЕРЕХИТРИЛ ЛИСУ

Проезжая как-то верхом по Барскаунскому ущелью (хребет Терскей-Алатоо), остановился я на коротенький отдых. Покормить коня на лужайке у берега реки. Выбрал укромное местечко между двумя кустарниками барбариса, привязал коня и сел поближе к нему.

Был полдень. В ущелье стояла нерушимая тишина. Лишь изредка по соседним кустарникам перепархивали попискивая пичужки: малиновки, пеночки и крапивники. Хорошо, спокойно и приятно отдохнули мы с конем.

Только собрался я в дорогу, как слева от меня, рядом с кустарниками барбариса, в траве раздался громкий шорох какого-то зверька. Когда же он появился на прибрежном речном песке, я сразу распознал в нем нашего зайца-толая.

Напуганный чьим-то преследованием зайчишка этот, неожиданно для меня, сильно оттолкнулся от берега и очутился в реке. Не особенно ловко справляясь с сильным течением, он поплыл поперек его, изо всех сил пытаясь добраться до островка, расположенного на рукаве реки Барскаунки. Небольшой островок этот изобиловал кустарниковыми зарослями, густым травостоем и был надежным для зайца укрытием. Когда измучившийся зайчишка уже подплывал к спасательному для него месту, я услышал громкий шорох за барбарисником на моей стороне. И в то же мгновенье приметил лисицу. До самого берега реки добежала разгоряченная погоней и охотничьей страстью хищница. Лишь у самой кромки воды резко затормозила она в том самом месте, с которого прыгнул в реку обезумевший от страха заяц. В воде острый запах пота заячьих лап исчез. Преследовательница нервно заметалась по песчаной кромке берега. Исчез заяц. Перехитрил лисицу...

Наконец, лисица вошла в реку, но, по-видимому, леденящая апрельская вода горной речки охладила ее охотничий азарт. Вылезла она на берег, отряхнулась от воды и не солоно хлебавши побрела в сторону густых кустарников.

ЗОРКО ОБЕРЕГАТЬ МОЛОДЬ ДИКИХ КОПЫТНЫХ ЖИВОТНЫХ

Ежегодно в мае, в начале июня в охотничьих угодьях Киргизии проходит массовый окот косуль (эликов), самок козерогов (теке), маралов и джейранов.

Покидая стадо, беременные самки выбирают в это время самые укромные безопасные места и рожают одного, двух детенышей. Тысячи малюсеньких сосунков, появляясь на свет, прежде всего нуждаются в материнском уходе, заботе, ласке и воспитании.

И вот как раз в этот самый ответственный период жизни малышей их, еще беспомощных сосунков, хищнически отлавливают многочисленные браконьеры. Нередко такая молодь попадает в руки чабанов, работников молочных ферм, расположенных в горах. Встречаются они и на привязи в некоторых изыскательских горных партиях. Охота и содержание диких животных в неволе, кроме зообазы, категорически запрещены законом об охране природы.

Карается как преступление отлов диких животных. Большинство отловленных косулят, течат, маралят и других вследствие неумелого ухода за ними и совершенного незнания рациона питания погибает. А оставшиеся в живых и подросшие предназначаются зачастую под нож «сердобольных» хозяев и идут в пищу как дорогое дичное мясо.

Массовый отлов малышей резко подрывает прирост общего стада диких копытных животных и задерживает увеличение поголовья молодых, здоровых и крепких самок и производителей.

При обнаружении же незаконно отловленного молодняка у граждан, нарушивших закон (без всякой скидки на служебное положение) необходимо привлекать к ответственности, актируя каждый подобный случай, и материалы эти немедленно передавать в Управление государственной охотинспекции по охране природы.

Одновременно необходимо проводить среди населения и массовую разъяснительную работу по охране диких копытных животных и особенно молодняка.

СОДЕРЖАНИЕ

Наши зимние горы 5

Горные тропы старых мергеней 7

Встречи с интересными людьми 8
Колубай Абышев 8
Сеитказы Джоломанов 11
Горный буран *(Путевая быль)* 15
О чем поведал мне старый егерь 18
Неудавшийся фотоснимок 21

Верные помощники 23

Давний знакомый охотоведа 24
Четвероногие друзья чабанов 26
Беспокойный трофей 27
Гроза в высокогорье 29

Заметки о наблюдениях над природой 31

Осень горного края 32
Следы на снегу 32
Рысь 33
Птицы высокогорья — улары 35

В заповедных угодьях 37

Пернатые зимовщики 38
Апрель на Иссык-Куле 39
Щедрость природы 40
Не стреляйте — это сова! 42

Горные тайны 45

Под развесистой елью 46
У гнезда бородачей-ягнятников 47

Как сороки и вороны выдали волчье логово . . 50

Живые барометры 52

Разоблаченный вор 53

Инстинкт материнства 57

Неожиданное вмешательство 58
Неравная борьба 58
Самоотверженность кекличихи 59

Состязания в силе и ловкости 61

Молодость побеждает 62
Апатичный зверек 63
Виновник фазаньей тревоги 63

Мои воспитанники 65

Котенок манула 66
Ушастый еж 67
Кекличата 70
Заяц-толай 71

Путевые миниатюры 73

Пернатый водолаз 74
Лиса-ротозейка 75
Как заяц перехитрил лису 76
Зорко оберегать молодь диких копытных животных 77

Беренс Константин Робертович

БЫЛИ ГОРНОЙ КИРГИЗИИ

(Очерки натуралиста)

Редактор Кондратьева И. С.
Художник Жуков В. П.
Худож. ред. Мисюрев А. И.
Техн. ред. Бурганакова К.
Корректор Челнокова Л.

Сдано в набор 19/XII 1975 г. Подписано к печати 17/V 1976 г. Д—04782. Бумага Маш. мелованная 80 гр., формат 84×108 1/16, 5,0 физич. печ. л., 8,40 условн. печ. л., 6,51 учет.-изд. л. Тираж 25 000. Заказ 325. Цена в переплете 7 — 81 коп., в обложке — 28 коп.

Издательство «Кыргызстан» Государственного Комитета Совета Министров Киргизской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 720737, ГСП, г. Фрунзе, 1, ул. Советская, 170.

720461, ГСП, Фрунзе, 5 ул. Жигулевская, 102, Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.